

К-1413564

Алла Смолина

Михаил Анчаров

Наталья Лебединова

Виталий Синицын

Александр Сапогов

Сергей Охупкин

Ната Сучкова

Дарья Донцова

Альфред Хохряков

Наталья Усанова

Борис Евсеев

Александр Дубинин

Ксения Аксенова

Я - читатель

нина писарчик

Борис Гуляев

Татьяна Ржанникова

Регина Соболева

Михаил Сопин

Елена Волкова

Александр Халов

Галина Гордиенко

Галина Шекина

Сергей Фаустов

Аксана Халвицкая

Иван Раменский

Елена Колыдина

Валерий Архипов

Андрей Медведев

Анастасия Астафьева

Нина Писарчик

Я - читатель

или

Чтение с пристрастием

Вологда

2010 г.

83.3(2=Р4с)6

ББК 83.3 (2Рос-4Вол) 6

П 34

Нина Писарчик

Я - читатель или Чтение с пристрастием: – Вологда: 2010. – 72 с.

ISBN 978-5-902579-04-5

От автора:

Книжка эта появилась стихийно. Она состоит из своего рода эссе, читательских заметок по поводу прочитанного автором. Накопленный материал о вологодской и российской литературе начала нового века скоро станет историей... Поэтому не должен пропасть.

Каждая из статей была в своё время озвучена на заседаниях вологодского литературного клуба «Ступени», существующего под благословенной крышей «Мемориального музея-мастерской А. В. Пантелеева», а также под новой крышей Литературного музея. Штат этих приветливых очагов культуры заслуживает отдельной благодарности от пишущей братии.

Часть первая ПРИСТРАСТИЕ К ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ксения Аксёнова Предошущение

В предисловии к книге «Предошущение» Ксении Аксёновой я сказала, что она родилась поэтом.

Меня можно оспорить, так как по первой книге трудно определить масштаб авторского дарования. Мои слова не догмат, а субъективное мнение. А сужу я по личным ощущениям, доверяя собственному литературному чутью.

Поэты, как и боги, относятся к небожителям. А поэтическое поле Ксении Аксёновой – вся Вселенная.

...И крылатые боги, что ценят вдвойне
Эту бездну, свободны, как ветер...

Хотелось на миг ощутить под ногами
Бездонное, полное радуги небо...

Я стану небесной хвостатой кометой,
Чтоб жить в вышине и играть облаками...

...Но мне так сладко верить,
Что расстояние меж тобой и мной
В сравненьи с межпланетным расстояньем
Мало ничтожно, точно шар земной
В сравнении с вселенским мирозданьем.

Человек, тем более поэт, с таким «вселенским» мироощущением, конечно же, одинок в среде обычных людей. Поэтому стихи полны безграничным одиночеством. Но в них нет претензий к людям, обид,

обличений. Автор – очень чистое существо, принимающее мир таковым, как он есть. Она не видит грязи под ногами, потому что взгляд её всегда устремлён вверх. Её взгляд – всегда – «над»...

Тишина. И какая-то тайна
Над огнём фонарей, фар и окон...

Автор – созерцатель, обитает вне времени, наблюдает жизнь с её мелкими подробностями как бы со стороны... из окна, которое находится на одном из уровней неба. Даже рутинный дождь для неё особенный:

...И больше этот дождь не повторится,
Он потому мне каждым звуком дорог.

Это сказано поэтом, иначе откуда у меня, читателя, возникает ряд ассоциаций, связующих с рекой, в воду которой не войти дважды, со временем, которое так же текуче и необратимо, с самой жизнью, которая неповторима?..

Спич поэту Валерию Архипову

Для начала я процитирую мнение критика Сергея Фаустова из книги «Харизма вологодской литературы»: «Архипов ... нашёл для себя направление в творчестве и идёт в этом направлении практически в одиночку. Он не удаляется от нас. Он тащит нас за собой, и мы «тащимся» от него».

За прошедшие десять лет субординация не изменилась. Архипов так же обособлен в вологодской литературе, так же одинок и так же мало понят. Лично у меня от его стихов возникает ощущение поэтической высоты, недостижимости. В нём нет приземлённости. Не всегда понимая стихи Валерия Архипова, я их не понимаю с тем же чувством, – как не понимаю Бога. То есть, душой я знаю, что Бог есть, он существует, но что это за явление, от меня скрыто... Бог – первичен, я – вторична. Бог может меня судить! Я его – нет! Так и в случае с поэтом Архиповым: он на несколько ступеней выше меня. Он меня может судить, я его – нет.

Безусловно, это та высокая поэзия, которая и должна нести тайну

непостижимую. Я улавливаю только смысл стихов: они все о любви. У него нет знакомых мне образов. А я, как человек профессионально начитанный, невольно ищу в тексте знакомые символы. У него всё своё: образы, символы, свой язык. Даже привычные уху словосочетания: «ни сном, ни духом», «Древний Рим», «рыцарь бледный», «последняя осень», «родительский дом», «разбитый рояль», «на тонком льду» - в контексте архиповских стихов выглядят единственно возможными, естественными и точными. Техника его стиха безукоризненна. Пожалуй, Архипов гениален в этом смысле.

Я высказываю здесь своё отношение к Архипову – поэту, а вот само творчество требует специального исследования. Нужен критик новой формации, который любил бы поэзию Валерия Архипова и углублённо изучал бы её.

Астафьева, дочь Астафьева

Можно, конечно, спросить у Анастасии Астафьевой, не мешает ли ей «тень» большого отца... Можно, но спрашивать не хочется. Потому что Анастасия Астафьева – совершенно самостоятельная творческая единица. Прозаик. Написала не так уж много, но и немало: книжку рассказов о своём детстве, детектив, повесть о дезертире с чеченской войны, несколько рассказов о природе как таковой и о природе человека; наконец, довольно любопытную автобиографическую вещь «Письма к отцу»...

Почему же она, Ася Астафьева, говоря образно, «топчется» на пороге большой литературы, словно не решаясь в неё шагнуть?.. Какой внешний толчок нужен писателю, чтобы перешагнуть этот невидимый «порог»? Одобрение, похвала пишущей братии? «Добро» со стороны литературных критиков? Или, напротив, неодобрение... Чтобы разозлиться, наконец, и пулей-ракетой – туда, в число известных и признанных!..

Зачем оно, признание, нужно? Сиди себе тихо, пиши «в стол», читай свои опусы в местном «кружке по развитию речи» (Г. Щекина «Графоманка»). Слушай сдержанные похвалы или же кислую критику от дюжины «графоманов», изредка печатающихся «самиздатом», в основном довольствующихся общей страничкой Интернета... Что-то грустное и пресное вырисовывается в такой перспективе. А что можно предло-

жить? Искать спонсоров на издание книг? Рассылать рукописи по всем «солидным» редакциям? Участвовать в любых творческих конкурсах? Да всё, что угодно, пора уже громко заявить о себе!

То, что уже написано, вполне достойно для выхода в «свет».

«Июньский снег»: повесть в рассказах А. Астафьевой о собственном детстве – вещь посто удивительная. Написана языком подростка, как бы увидевшего себя глазами взрослого человека. Происходит совмещение времени: событие совершается одновременно в той, прошедшей эпохе с её бытовыми характеристиками, но и в эту настоящую минуту чтения – тоже.

Можно сказать, что проза Астафьевой абсолютно кинематографична. Она довольно наглядна, оснащена яркими деталями, в ней присутствуют и близкий, крупный, и общий планы. Читатель, имеющий воображение, видит стереофильм с эффектом собственного присутствия.

Книга-детектив «Сети Арахны», скорее всего, дань моде. Книга – непровальная, созданная по всем законам жанра; если её доработать, будет крепкий «психологический» детектив. Конечно, специализируясь на коммерческой детективной литературе, можно «нахватать» необходимых знаний, чтобы не допускать «ляпов»... Только вот надо ли автору великолепной психологической прозы продолжать тот «криминальный» ряд?

Лучшие рассказы, на мой взгляд, «Танец маленьких утят», «Ботинки, которые ты носишь» и рассказ - монолог «Попробуй жить дальше», именно психологическая проза.

Повествование от первого лица делает их настолько убедительными, что читатель не сомневается в их автобиографичности. Талант автора заставляет узнать героев, как старых знакомых, воочию увидеть места, в которых никогда не бывал... Вжиться в чужой уклад настолько, чтобы переживать за героев, как за самого себя!

Короткие рассказы-эссе А. Астафьевой – «Борьба с терроризмом», «Ветер с Енисея», «Тревога», «Ген войны», «О понимании счастья», «Только не бейте» – я бы назвала публицистикой, выполненной на высоком художественном уровне. Лучший из них – «О понимании счастья». Я слышала мнение, что здесь автор «свысока» рассуждает об унижительном труде уборщицы... Напротив, совесть автора, внимание к «маленькому» человеку возвышают его, автора, в моих глазах.

Совершенно великолепны рассказы А. Астафьевой о природе:

«Погоня», «Лес в кадушке», «Змей будет жалить тебя в пяту». Удивительно, что уроженка города, молодая возрастом, знает лес и его обитателей так, как не каждый профессиональный лесничий знает!

Конечно же, существует «генная» память, и всё-таки главное здесь — наблюдательность. Рассказы о маленьких лесных приключениях совершенны! Они великолепны своей описательной частью. Даже некоторая назидательность их не портит. Хотя, на будущее, как раз следует избегать дидактики...

Наособицу в творчестве А. Астафьевой стоит сказка «Козье болото». Завязка у неё просто изумительная. Сказка, забавная, совершенно невероятная, продолжалась до какого-то момента... Потом «сдохла»! Раздумывая, почему так неудачно получилось, я поняла, что автору было на тот момент всего двадцать лет, и сказка эта — своего рода «проба пера». Беда в том, что главный герой, студент Иван — абсолютно инертен. Он — наблюдатель, в какой-то момент «скисший», переставший даже удивляться... Автор словно не знает, как заставить его действовать, и всё заканчивается фантастическим сном, видимо, от непривычно свежего воздуха.

В начале заявлены совсем нетрадиционные сказочные герои. К сожалению, забавная, анекдотичная завязка ни к чему не приводит... Сюжет увязает в обилии второстепенных, совершенно безликих героев. Все добрые, кроме условно злого Змея Горыновича, который настолько нелеп, что непонятно, почему ему так охотно все подчиняются... Становится скучно. Вместо вялого Ивана, по-глупому доброй Бабы Яги и полудохлого Змея Горыновича действовать начинает непонятный Шишик, который всё и разруливает. В финале чувствуешь недоумение, и только. Ещё... очень циничной мне показалась дойка Василисы Прекрасной под видом козы!

После сказки, которую я читала последней, стало понятно, что именно раздражает в другом герое А. Астафьевой — Павле из повести «Чужая война». В отличие от Ивана из «Козьего болота» Павел вовсе не положительный герой, хотя оба они — жертвы обстоятельств. Общая же у них одна черта: они инфантильны.

Павла постоянно кто-то ведёт за руку: сначала мама, потом военкомат, ротный командир, друг Руслан, старик чеченец, приютивший в пещере, потом сын старика, знакомый того сына, обменявший автомат на поддельный документ. Далее в Ленинграде — бомжующий бывший врач, наркодилер... Наконец — семья обходчика, подобравшая его, раненого. В конце концов, попадает он в ласковые, надёжные руки Татьяны.

которая становится ему второй матерью. Как только герой оказывается без чужой крепкой руки, тут же теряется и делается жертвой мирового зла. Он совершенно не умеет находиться в одиночестве; начинает комплексовать... Он ни единократно не проявил себя активно. Даже работу каждый раз ему предлагает кто-то посторонний, даже девушка приходит сама к нему в постель.

Единственный поступок Павла, за который можно уважать, это его возвращение из последнего побега после рождения ребёнка. Именно ребёнок и привязанность к Татьяне заставили принять взрослое решение. У читателя возникает надежда, что инфантильный мальчик с железными кулаками стал, наконец, мужчиной...

Трагическая тема войны уходит на дальний план, а в центре – история несчастного бесхарактерного мальчишки, воспитанного без мужского влияния. В отличие от Руслана, в котором есть жизненная сила, Павел – типичный захребетник, но с амбициями.

Вот женщины в произведениях А. Астафьевой – действительно деятельные, самостоятельные, одним словом, мужественные... Та же Татьяна в «Чужой войне»!..

Эта повесть – стопроцентный киносюжет, похожий на очень многие «боевики» последних лет. Нет оригинальных сцен, всё видено-перевидено на экране. Хотя, герои Астафьевой достоверные, «жизненные».

Единственно, что смущает, это нетипичное поведение участкового Кудряшова... Очень мало похоже, чтобы такой нахрапистый тип столько лет только издали «пас» Татьяну. Да давным бы давно попытался её «присвоить»! Всё-таки ему уже тридцать лет, да и она давно не школьница в свои двадцать два!

Отдельно хочется сказать о языке повести. Здесь мастерский язык, в отличие от сказки, где много штампов при оригинальном сюжете.

Самое сложное произведение А. Астафьевой – «Письма к отцу», написанное в виде сценария. Но, мне кажется, длинные, насыщенные информацией диалоги непостановочны ни на сцене, ни в кино... В данном объёме, не нуждаясь в переработке и сокращении, так они хорошо прописаны, эти диалоги-монологи были бы идеальны в другом варианте. Само название – «Письма...» – подсказывает форму произведения. Если сохранить прямую речь главных героев, убрав второстепенных, останется самое ценное и будет читаться, как роман в эпистолярном жанре. Появится ощущение документальности, тем более, что это действительно мемуарная вещь.

Что ж, если читатель, тем более, критик, так переживает за будущность автора, значит, автор стоит того!

Елена Волкова О «Больших Бабах» и не только...

Прочла залпом тонкий, но ёмкий сборник Елены Волковой «Большие Бабы». Короткие рассказы, наглядность которых сравнима с комиксами: непрерывность действия, карикатурность персонажей, комичность ситуаций...

Открывает книгу повесть «Здравствуй, Сомова!». Двадцать три странички текста вместили жизнь женщины от младенчества до зрелого возраста, не утомив читателя, а, напротив...

За лёгкой иронией скрывается многообразие переживаний. «Сказка ложь, да в ней намёк»: героиня живёт в конкретное историческое время, в определённых условиях, попадает в узнаваемые ситуации. Её отличительная черта: она – воплощение женственности, поэтому притягательна для читателя. И близка любой читательнице, хотя не каждая родилась в любящей семье, не каждая выходила замуж, не каждая имеет любовника и не всякую сокращали с работы...

Сомова – свидетельство явления, называемого феминизмом. На самом деле наша страна в этом отношении – передовая. Российские женщины только вид делают (в силу менталитета), что мужчина – главный в семье и на производстве. Между тем, женщины создают материальные ценности для экономики страны, выполняют домашнюю работу, воспитывают детей (всё чаще – без кормильца), непрерывно учатся, развиваются, да ещё и о внешности заботятся! Исторически сложилось, что страну потрясают то моры и глады, то революции и войны (включая те, что за пределами страны)... А гибнут в катаклизмах, как известно, самые лучшие, самые совестливые представители мужского пола. Оставшиеся в меньшинстве мужчины повышаются в цене, не улучшаясь качественно. Поэтому заполняют собой особо удобные места, включая сидячие места в общественном транспорте. Таким образом, царствуют, не правя. А правит всем женщина – из кухни, из спальни, из приёмной большого начальника...

Так что с феминизмом у нас всё в порядке, только любви маловато. Вот и приходится утешаться чувством собственного достоинства, в чём и преуспела Сомова.

Рассказы Елены Волковой, как и повесть о Сомовой, написаны в юмористическом жанре. Как бы «шутя-валя-нарочно» автор затрагивает темы исторически – глобальные: передел собственности при базарно-

рыночном капитализме и превращение мелкого советского жулика в уважаемого частного предпринимателя...

И, конечно же, тему, неразрешимую во веки веков: войну полов...

Нет в книге Елены Волковой гражданского пафоса - не ставятся ею вопросы: «кто виноват?» и «что делать?». Зато прослеживается мудрая мысль: «С прошлым надо расставаться, смеяться!». Только посмеявшись над собственной дуростью, возможно с новой энергией двигаться дальше.

Галина Гордиенко Полька и Аполлинария

Романы Галины Гордиенко, выпущенные московским издательством, конечно же, приятно взять в руки. Качество полиграфии и особенно яркие, завлекательные обложки были отмечены даже таким мастером в оформлении книг, как вологодский художник Эдуард Викторович Фролов. При ближайшем же знакомстве с творениями Гордиенко они оказались типичными дамскими романами. К сожалению или к счастью, у меня другой круг чтения. Уважая читателей с иными вкусами и желая познакомиться с неизвестным мне автором, с любопытством взялась за книгу Галины Гордиенко «Полька и Аполлинария».

Понятно, судить об авторе целиком по одной прочитанной книге дело рискованное, поэтому буду говорить конкретно об этом романе. Мне показались довольно бедными изобразительные средства произведения. Прежде всего – язык. Язык здесь не имеет художественной ценности. Он деловитый, сухой, напоминающий журналистские репортажи с места событий. Коротенькие главы, составляющие роман, похожи на очерки. Множество штампов: «пахал целыми днями, как проклятый...»; «никакой любовью здесь и не пахло...»; «вёл себя, как дома...»; «зарделась, как маков цвет...»; «сочувственно покачала головой...»; «влезла в узкие джинсы...»; «быстро темнеющее небо...»; «длинные и пушистые ресницы...»; «бедная деревенская девушка...» и тому подобные... Впечатление, что текст целиком состоит из расхожих фраз. Взыскательного читателя не могут не раздражать разговорные клише: «ловила ртом воздух», «слова не шли на язык», «от греха подальше», «как я смею», «резкие перепады настроения», «настоящие шпионские страсти»... Можно приводить примеры бесконечно!..

Описательная часть произведения также очень скудная, часто поверхностная. Вот, например, дано описание «компании подростков»: «Низколобые, прыщавые, обритые до синевы, с наколками, с дорогими мобильниками на шеях и банками пива в руках». Здесь нет ни одного «живого» слова, карикатурный набор негативных характеристик — и только! В жизни-то каждый из этой компании отличается чем-то от прочих, хотя бы ростом... Неужели все — одинаково прыщавые и равно — низколобые?..

Совсем не разработаны психологические характеристики героев. В действиях каждого из них много противоречивого. Бывает нарушена внутренняя логика произведения. Всё внимание автора занимает лишь сюжетная линия романа. Хотя, сюжетные коллизии довольно предсказуемы. Они предугадываются читателем, поэтому особого интереса и не вызывают. Остаётся лишь поверхностное любопытство: а как именно выкрутится девчонка из ситуации... И даже любовная линия не задевает чувств читателя, так она не прописана, а лишь намечена. Отношение Игоря к Польке замешено на чувстве жалости, причём благодаря маленькой сестрёнке. Его интерес к Аполлинии вызван пикантностью её внешности, контрастной с гламурной Леной. Но это, по всему, лёгкое увлечение не подвигло его на развитие отношений. Интрига с переодеванием героини осталась необыгранной. Получается, что главная героиня — всего лишь марионетка. Она живёт по принципу: «Дают — бери, бьют — беги».

Повторюсь: сверхзадача автора — «лихо закрученный» сюжет. При этом замечен главный недостаток коммерческой литературы — спешка. В результате всё богатство сюжетных ходов остаётся неразработанным. К сожалению, только затронута, но не осмыслена сюжетная линия, с которой начинается роман. Автор живописует чудовищные отношения в материнской семье героини, постоянно подогревая читательское сочувствие к ней. Отчим представлен дьяволом во-плоти. Оказывается, что дьявол-то опереточный, стоило совсем негероической женщине, сельской фельдшерице, пригрозить ему судом... Почему-то жена восемь лет терпит садиста и подставляет троих детей. Конечно, подобных историй много по Руси, но в чём загадка этой конкретной героини, не алкоголички, не дуры набитой, а человека с высшим образованием, не последнего на селе, школьной учительницы?.. К тому же имеющей самостоятельный заработок, собственный дом и опыт счастливой жизни с первым мужем... Эта женщина не жалость вызывает, а отвращение.

Любая живая тварь защищает своих детёнышей! А она?.. Вот где тема для психологического романа, но автором она обойдена.

Главная фишка романа – тайна старухи-благотельницы, открывшаяся после её смерти. Но здесь нет накала страстей, выходки старухи не интригуют, а раздражают, возможно, потому, что причины читателем предугадываются.

Одна моя знакомая сказала, что романы Галины Гордиенко похожи на индийское кино. Лучше этой характеристики ничего не придумаешь. Действительно, бедная сиротка награждена в конце, а богатые её гонители плачут. Ну, что ж! Индийское кино у нас любят. Читатели получают востребованную литературу, автор – имя, а издатель – деньги. Всем хорошо.

Мой единственный совет автору: ни одна фраза в произведении не должна оставаться втуне. Например, героиня говорит, что её предки – «боярского» происхождения, но развития эта фраза так и не получила, хотя это очень важная деталь. Ещё один пример: на Полю кто-то напал в парке, разбил ей голову, если бы не собака, неизвестно, откуда взявшаяся, она бы, возможно, погибла. И – ничего, как будто всё дело в том, действительно, что она рыжая... Если нет развития, то зачем нужна завязка?..

Борис Гуляев Многогранность: обзор авторских дневников

Прочла «Из дневников: Продолжение» Бориса Гуляева. Читала с интересом, по прочтении задумалась, откуда такой интерес... Текст не художественный. Первичное любопытство вызвала, конечно же, форма – «дневники». Дневник – это всегда нечто сокровенное, не для всех. Не только личное, но и личностное, раскрывающее сущность человека. Такое чтение ещё и редкое, так как дневники публикуются обычно посмертно, при жизни же автора – вообще явление уникальное.

«Дневники» Бориса Гуляева оказались публицистикой, чего автор и не скрывает, периодически в тексте обращаясь напрямую к читателю. Тем не менее, читалось, повторю, с интересом. Безусловно, интересен современник с его собственной оценкой действительности. Прослеживая события чужой жизни в конкретные годы и с точными датами, не-

вольно сопоставляешь с собственной жизнью в эти же отрезки времени. В «Дневниках» Бориса Гуляева гораздо больше жизни общественной, чем личной. События последних лет, политические, экономические, культурные, спортивные — они все памяты, все как-то пережиты и осмыслены, поэтому так интересно сравнивать собственные мысли с авторскими. Приятно, что автор имеет широкий круг интересов, при этом умеет увлечь своим интересом к фильму ли, музыкальному произведению, книге ли, даже научной... Конечно, не всегда соглашаешься с его оценками и характеристиками, но сам процесс сопоставления оценок тоже увлекателен. Надо отдать должное автору: с редким постоянством изо дня в день, из года в год он пунктуально и аккуратно записывает все мало-мальски значимые события. При этом осмысливает их, выражая собственное мнение, часто противоречащее общепринятому. Самое главное — ясно, предельно чётко, конкретно формулирует свои мысли в дневнике. И это не сухая констатация фактов, а довольно эмоциональное изложение.

Размышляя о прочитанном, прихожу к выводу, что эти «Дневники» — некая «отдушина» для автора, человека явно одинокого. Своего рода «собеседник». Этому «собеседнику» возможно доверить мысли о собственной исключительности... Признаться, мне было неловко читать высказывания, подобные этому: «Подумалось ещё вот о чём. В 2014 году в Сочи состоятся очередные зимние Олимпийские игры. Сейчас идёт подготовка к такому крупному мероприятию, вкладываются огромные деньги, задействована масса людей. Живём в предвкушении новых громких побед на Олимпийских играх. Победы определяются уже не минутами, не секундами, а долями секунды. Слава, награды, премии, гонорары... Но, ведь мои научные и литературные победы в тысячу раз ценнее для страны и мира, чем эти олимпийские миллисекунды!.. И между тем никакого ажиотажа, истерии, шума. Ситуация ужасно забавная!».

Высказывания о гениальных открытиях автора настолько убедительны, что начинаешь ломать голову: как ему помочь? Не будучи ни физиком, ни математиком, не имея таковых среди знакомых, не нахожу ничего лучшего, как спросить автора: может, он не туда обращался со своими открытиями?.. Очень наивно отправить в Президентскую библиотеку научную книгу вкупе с дневниками и стихами. Не думаю, чтобы президент лично разбирал поступающую в библиотеку литературу... Да и объёмы поступлений можно себе представить!.. Научную

книгу следует подавать отдельно, без «нагрузки» в виде литературных опусов (субъективность в оценках литературных трудов может помешать объективности суждений о научных открытиях), и только заинтересованным лицам, имеющим возможность осмыслить и оценить предлагаемый материал. На сегодня лучше всего прислушаться к совету Г. А. Щекиной и сдать по экземпляру своих трудов в Вологодский архив. Хотя бы книги не пропадут для потомков. Пройдёт какое-то время, и те же «Дневники» станут ценным фактическим материалом для осмысления нашего времени и нашего общества. Тем более, что автор – честный и порядочный человек.

В отличие от книги «Из дневников» поэтические книжки «Родник» и «Радуга» показались мне скучноватыми, а стихи довольно банальными. В стихах недостаток образности, зато избыток риторики, много назидательности. Эти качества несовместимы с поэтикой. Возникают аналогии со стенгазетой или поздравительным адресом... Заметно, что автор – очень рассудочный человек. Что касается техники стиха, то автор заботится исключительно о рифме, считая её (рифму) главным компонентом успеха.

Должна сказать, что в каждом из стихотворных сборников нашлись очень интересные произведения. В книге «Радуга» удачны, на мой взгляд, стихи «Старуха» (потрясающий образ); «Утоли мои печали...» (глубокая философия в сочетании с душевностью); «В полночный час луна глядит в окно...» (искренность и эмоциональность); «Бейте в бубны, в барабаны...» (звонкость и бесшабашность, симпатичное хулиганство); «Печальна русская деревня...» (образность и настроение). В книге «Родник» хочется отметить стихи «Мессия» (образность); «Последний вечер сентября...» («картинка» и настроение); «Над вечным покоем» («...Глагол колокольный под куполом серым» – великолепная строка, и очень хороша последняя строфа, в целом создана очень поэтичная картина); «Мне нравится буйство стихии...» (энергия стиха); «А зима не спешит, не торопится...» (образность); «И снова тихий ангел пролетел...» (очень поэтичный образ, лирическое настроение); «Мосты» (образность, удачно обыгранное слово).

Хочется отметить, что автору в его «рассудочных» стихах удаются концовки, часто жёсткие, хлёсткие, но одной строфой или даже парой строчек несущие точную законченную мысль:

Как много в нас ещё осталось дряни
От подлого холопа и раба!

Белокожа, как из теста.
Чем не первая невеста?!
Но открыла только рот,
Шапку взял – и от ворот.

Разумный сын – отца утеха,
А глупый – матери печаль.

Видимо, афористичность – «конёк» автора. Не осознавая этого, автор создаёт (как бы между прочим) очень интересные четверостишия с признаками законченного произведения:

Кто жертвой стал, кто палачом.
Иным догматам верим свято.
И рок судьбы тут не причём...
Христа учение распято.

Мы циники, мы циники, но искренние циники.
Со здравым смыслом в мире мы, пример большой другим.
Подайте Дон Кихота нам, любого, и без лирики
Убьём его мы искренне и искренне скорбим.

Очень бы не хотелось получить от автора, Бориса Гуляева, такое мнение на свой труд:

В тебе увидел я надежду и подмогу.
Предел отчаянью, сомненьям, наконец!
Но понимать с печалью начал понемногу:
Ты, как и прочие, невежда и слепец.

Людмила Данилова Сказка ли?

«Сказка о том, как Добро побеждает Зло» Людмилы Даниловой очень хорошо издана полиграфически. Грязовецкие художники замечательно потрудились: и рисунки, и постраничные орнаменты, и шрифты – всё отлично.

Но, сам текст вызывает неприятие. Начало: «Самовар муха купила, только это уже было...» словно предвосхищает всю сказку. При чтении мне казалось, что всё уже, действительно, было. Вот Ершов с «Коньком-Горбунком» и Леонид Филатов с пьесой-сказкой «Про Федота-стрельца...» проглядывают, несомненно. И некомплементарно. Нет ни ироничности Ершова, ни сарказма Филатова. Есть только подражательность.

А форзац, повторение, копия – всегда хуже оригинала.

Обращение к детям тоже не оправдано: проблемы в сказке поставлены абсолютно взрослые. Да и рассказано о них языком «политинформации»:

«Ставим вопрос ребром...»;
«Нужно Тьму призвать к ответу...»;
«Царство Тьмы»;
«Прибыльное государство...»,
«В свои руки власть взяла...»;
«Новые ввела порядки...»;
«Как бы скинуть тёмну власть...»;
«Жить, а не существовать...»;
«Держит свой народ в узде...»;
и тому подобное...

Сказку с политической подоплёкой можно бы было рекомендовать взрослому читателю, если бы не подражательность произведения: и образы есть заимствованные, и рифмы, и словосочетания, и чуть ли не целые строфы. Вдобавок - к вышеупомянутым – Пушкин с Жуковским «наследили» повсюду. И даже от Владимира Маяковского достался «Конь-огонь».

Сказка суррогатная, пусть не обижается автор. Ни авторской, ни народной её не назовёшь. Даже на «лубок» она не тянет, так как в ней нет образчиков народной речи.

Авторское отношение, авторские чувства тоже не проглядываются. Простой сухой пересказ всего читанного когда-то автором с использованием языка оригиналов, но с новыми героями и в новой общественно-политической формации.

Александр Дубинин Будет истина на свете оттого, что я пою?..

Стихи Александра Дубинина – не для дамских ушек...

Тем не менее, в них нет ничего низменного или непотребного. Жёсткие фразы Дубинина хлестки, как пощёчины. Не дай Бог оказаться на месте его врага!.. Мне кажется, он насквозь видит, кто чем дышит. Порядочный ли ты человек...

Судя исключительно по текстам, не зная биографии автора, можно уверенно сказать: он прожил нелёгкую жизнь. У поэта обострённое чувство справедливости и почти детская вера в высшую справедливость. И ещё – громадная воля к жизни: «Мне б только душу обрести...».

Энергия поэтического слова у Дубинина такова, что я, читатель, начинаю верить его пророчествам: «Земля пустая. Жёлтый лёд. Бог на такую не сойдёт.» или «Сметая всё, очистится земля...»

Стихов гражданского звучания – и такой силы! – мы давно не слышали.

Только что в Вологду приезжала известная белорусская писательница Светлана Алексиевич. Впрочем, сейчас она живёт в Германии и много ездит по европейским странам. Имея возможность сравнивать западную жизнь с нашей, Алексиевич говорит, что в бывших республиках СССР, включая Россию, нет гражданского общества. Люди разобщены, каждый одинок со своей личной бедой. Именно поэтому сильные и наглые давят менее удачливых соотечественников. Государство же в лице чиновников сживает со свету собственный народ.

Ровно о том же говорят стихи Александра Дубина. но даты к ним поставлены задолго до приезда правозащитницы Алексиевич. Вот только несколько цитат: «Тут и там молчаливая подлость лежит...»; «Пусть не люди клянутся на крови. И мелко врут, и крупно врут...»; «А ужас наших слов и дел? Век на исходе. Беспредел».

Поэта Александра Дубинина я бы смела поставить в один ряд с выдающимся вологодским поэтом Михаилом Сопиным.

Михаил Жаравин Сказы: Послесловие

Глубокой осенью 2009 года в Вологде прошло мероприятие, собравшее очень узкий круг лиц, связанных литературным процессом. Мало кто из пишущих вспомнил о пятидесятилетии писателя Михаила Жаравина, которого тот же «патриарх» Василий Белов ставил рядом с Василием Шукшиным, по его же словам...

Да, Михаила Жаравина давно – почти пятнадцать лет – нет на свете. Отступи болезнь – кто знает, каких успехов достиг бы сейчас Михаил, начало-то успешной литературной карьере было положено. Вступление в Союз писателей России – это уже признание! А учёба в Литературном институте давала уверенность в будущем.

Но, были и свои подводные камни... Знавшие Жаравина говорят о творческом кризисе, в котором находился молодой писатель. Надо знать, что родом М. Жаравин был из глухого уголка Вологодчины – Кич-Городецкого района. Его простонародная суть уникальна даже на многообразном фоне «деревенщиков» – востребованного литературного течения того времени. Потомственный вологодский крестьянин, рабочий в первом поколении, М. Жаравин обладал даром слова от природы и владел именно народным, кич-городецким говором. Лучшие его произведения написаны на родном материале, в конце концов, они оформились в книгу сказов. То есть, начавшийся, как самостоятельный поэт, а затем оформившийся, как писатель-самородок, автор совершенно растерялся перед академической наукой. Писавший играючи, не имея понятия о правилах литературной «игры», не знал теперь, как писать, согласуясь с изученным... Возможно, жаравинский сказительский дар исчерпал себя в уже написанном. Возможно, впереди были новые произведения – в том же ключе, но совершенные технически, как его же сказ «Морозко», абсолютный шедевр. Сам Жаравин, говорят, мучительно искал новую для себя литературную форму и, главное, новый язык. Не от душевного ли надлома случилась его страшная болезнь или же обострение застарелой болезни? Писатель умер скоропостижно в тридцать шесть лет, оставив на друзей разрозненные черновики.

Было бы несправедливо скрыть под общим понятием «друзья» сподвижницу М. Жаравина по заводскому литературному объединению (существовало в советские времена при Вологодском подшипниковом заводе) и подвижницу в пропаганде его творчества – Галину Алексан-

дровну Щекину. Именно её усилиями был издан сборник «Перекрёсток любви и печали» (в 1991 году), куда вошли рассказы Михаила Жаравина. В 1998 году с помощью родного брата М. Жаравина – Николая Жаравина – она издала первый посмертный сборник писателя «Сердечная рана», наиболее полно собравший его стихи и прозу. Почти пятнадцать лет Галина Щекина на правах старосты Лито, затем преподавателя литературной студии несла новым поколениям вологодских литераторов слово Михаила Жаравина. Вот и накануне 50-летнего юбилея писателя её стараниями были собраны по подписке немалые средства, которые позволили выпустить книгу «Сказов» Жаравина в московском издательстве «ОксиПресс» (2009 год). Издание сопровождается великолепными иллюстрациями, созданными вологодским художником В. Птюхиным именно для этой книги.

Горжусь, что посильный вклад в издание книги смогла внести и я, выполнив корректорскую работу. Встретившись впервые с автором, который жил в одном со мной городе, только на электронных страницах его будущей книги, я испытала странное ощущение уходящей в небытие реальности... Ходили по одним улицам, дышали общим воздухом, в прямом смысле и в смысле пристрастия к литературе... но, мой почти ровесник – так давно уже не живёт, что книги его становятся классикой...

Книга Михаила Жаравина «Сказы» появилась и стала ярким примером современного издания, в котором изначальное качество материала заключено в замечательную форму. Вот настоящий памятник самобытному вологодскому писателю!

Елена Колядина Новый Рабле? «Весёлая галиматья» Елены Колядиной

Само название произведения Елены Колядиной предполагает забавные коллизии в сюжете и настраивает на чтение развлекательное. Поначалу так оно и есть. Читая вступление, невозможно удержаться от смеха. Первая же сцена – исповедь отроковицы у начинающего батюшки – та самая забавная путаница, что и прозывается «галиматьёй»...

Предостерегая невинную девицу от разврата, батюшка будит её воображение да и свои инстинкты заодно. Тут-то и возникает завязка будущей трагедии. Итак, в романе два главных героя – отец Логгин и его прихожанка, пятнадцатилетняя купеческая дочь. Их встреча, сопровождаемая гомерическим смехом читателя, совсем не предполагает трагической развязки. Но нечто «языческое» разлито в самом тексте романа: вспоминается поверье, что громким смехом можно накликать беду. Трагедия при участии амбициозного отца Логгина, действительно, вызревает и доходит до «точки горения».

Основная тема романа – не личная история девицы, согрешившей до брака, не рассказ о её несчастной любви, не бытописание купеческой семьи или всего города Тотьмы конкретного исторического периода, а противостояние двух культур: кровной – языческой и новой – западной. Невзирая на несколько веков доминирования православной религии, допетровская Русь оставалась полу-языческой. Неправда, что Русь приняла новую религию благодарно и благостно. Христианство насаждалось мечом и огнём. Безусловно, православие дало Руси толчок в сторону европейской культуры, но национальные черты и огнём не выжигались... Феодосья, героиня романа, – прообраз самой Руси – авантюрной, любознательной, легковерной, бесшабашной в веселье и юродствующей в горе, верной в любви и твёрдой в вере.

Произведение Елены Колядиной получилось глубоким, многослойным и неоднозначным. Нет сомнений, что автор владеет историческим материалом. То есть знаком с документами, отражающими быт и языковую среду северного края конца семнадцатого века. Уж очень натуральным выглядит описание жизненного уклада тогдашнего общества! Погружение во времена правления Алексея Михайловича Романова происходит при помощи характерного языка героев романа.

Главное для меня, как читателя, не занимательность сюжета и даже не историческая достоверность, а язык произведения. Язык романа так насыщен архаизмами и старинными оборотами речи, что вполне удо-

влетворяет представлению о времени трёхсотлетней давности. Прелесть повествования заключается в сочетании современного литературного языка с архаико-простонародным. Очарование ещё и в том, что знакомые и обкатанные слова раскрывают свою первородную сущность: «почесал пазуху под мышцей...» и тому подобное... Единственный носитель чужеземных (греческих) терминов, которые считает «божескими» – учёный батюшка Логгин. Из-за непонимания языка священника паствой и происходят «кудесы». Батюшка, как и его прихожане, насквозь язычник. Строго наказывая верующих в приметы и суеверия, сам в них верит.

Наши предки-язычники не знали срама в нынешнем его понимании. Тело и все телесные отправления считались естественными. Вся физиология имела собственные названия, их употребляли в разговорной речи безо всякого стыда. С принятием же христианства на Русь пришло понятие «греха». Ещё употреблявшиеся в предпетровские времена истинные русские названия физиологии за триста последующих лет стали запретными: бранными и матерными. В результате современный русский язык не имеет «пристойных» физиологических терминов. Это или «низменные» слова, дошедшие до нас из язычества как бранные, или медицинские термины, заимствованные у западной цивилизации.

Вот этот «перекос» в современной культуре относительно прародительской, языческой, и обыгран в произведении Елены Колядиной. Эффект – ошеломляющий! Чувствуя неловкость (результат воспитания!) за «непристойности» в печатном тексте, невольно забавляешься анекдотичностью происходящего и получаешь удовольствие от смешных диалогов, нелепых рассказов, изобилия старинных присказок и поговорок.

Замечательны речевые характеристики героев, их портреты, описание повседневной деятельности, подробностей быта. Роман удался благодаря языку, воссозданному автором в народной, старорусской традиции, с его образностью и обилием синонимов. «Неприличным» язык романа выпядит только на первый, поверхностный взгляд. По мере проникновения в суть произведения начинаешь понимать, что автор и не думал скандализовать общество. Таковым был истинный язык наших предков.

По степени откровенности, да и по художественному уровню роман Елены Колядиной можно сравнить с произведениями Рабле или Боккаччо, только что на местном, национальном материале. Примеры-то достойные.

Наталья Лебединова Волны и струны

Книга Натальи Лебединовой «Волны и струны» содержанием напоминает личный дневник. Поэтому, читая её, я испытывала некоторую неловкость, – всё-таки личный дневник не предназначен для чужих глаз.

Стихи Лебединовой чувственны и чувствительны. Одновременно – наивны и несовершенны технически. Много подражательности, даже само название напоминает рубцовское «Волны и скалы». Встречается и плагиат: от целых популярных песенных строчек – «Моей душе покоя нет» и «Дарите женщинам цветы» – до «убитых» на протяжении прошлого века словосочетаний «майская роза» и «жемчужина-Одесса».

Настоящим чудом на общем банальном фоне выглядят некоторые авторские строчки:

«Едешь где-то сейчас по холодной дорожной слюде...»

«За ночь хризантемы распустились
На морозном голубом окне...»

«Я зажгу две свечи – тени прыснут в угол...»

«Тишину в моей квартире
Не в чем упрекнуть...»

«Обмакну перо в чернила тёмной ночи,
Напишу о нежной грусти пару строчек... »

«Гжелью волшебной расписано небо --
Белые всполохи на голубом...»

«Занимается утро над городом,
Карамельный над лесом восход...»

«Я доверю бумаге боль,
Вылью чувства на белый лист...»

«Когда в мае вскипела черёмуха...»

Эти отдельные, очень редкие, но такие яркие строчки говорят о поэтическом потенциале автора. Пока же автор рифмует письма к любимому, и рифма эта часто неудачна.

Поэзия Андрея Медведева

В том, что Андрей Медведев поэтически одарён, я ничуть не сомневаюсь. У него безупречная техника стиха, возможно, прирождённая, возможно, он хорошо усваивает уроки двух вологодских литобъединений, которые посещает. Андрей находится в фазе активного ученичества и достигнет успеха непременно.

В представленной для обсуждения подборке стихов безусловно мне понравилось одно: «Земляк». И техника, и поэтика, и авторское заинтересованное отношение к «герою», и чувства, связанные с ностальгией, и оригинальность описания, и своеобразный юмор – всё прекрасно сложилось в произведении, которым автор может гордиться.

Неплохое стихотворение «Берёзкины причёски». Образы даны очень ярко, живописно. Но нет того неподражаемого тёплого юмора, как в стихотворении «Земляк», хотя угадывается доброта в личности автора. Ещё одно стихотворение - «Всё меняется» - я отметила бы как удачное, если бы не последняя строчка «Сегодня – тихий райский уголок». И «тихий уголок», и «райский уголок» встречаются в стихах, прозе и обыденной речи постоянно, поэтому заштампованное словосочетание нельзя пускать в свои стихи! Я бы подправила последнюю строчку:

И в жизни так; порой она уныла,
Но переменчив жизненный поток:
Вчера – тревожна, словно воды Нила,
Сегодня – тихой дельты уголок.

Можно представить тихую дельту того же Нила, упомянутого в стихах...

Посвящение Афанасию Фету лучше начать с третьей строфы: «Любви ушедшей яркое горенье... и так далее до конца. Первые две строфы только портят стихи примитивной рифмой: розы-берёзы, грёз-мороз, зефир-эфир! Пусть Фет и баловался ими, но повторять за великими не похваля-

но, даже в посвящениях этим великим. Читатель, не дойдя ещё до сути, бросит стихи с набившей оскомину рифмой...

Стихи «Кто есть кто» – образны, но кроме образов, ничего в них нет, да и связи между образами нет. Своего рода ученичество...

Стихотворение «Распутица» было бы неплохо, но оно не продумано. Например: «А весеннее месиво Послужило мне пищей...» лучше заменить: «А весеннее месиво Для стихов служит пищей – Я поэт, и мне весело От весны наступившей!». Следующая строфа совсем неудачна, непозитична и даже нелепа: «Но, ползя аккуратненько...». От неё лучше совсем отказаться. Последние две строчки звучат и двусмысленно, и лексически неграмотно: «Полуталую девицу Я стихами дотаю!». Автору нужно здесь продумать!..

«Летний дождь» – очень негармоничное стихотворение, так как две первые строфы – хулиганские, раскованно-игривые, с невероятными строчками «То ль святые вышли по нужде?..», а последняя строфа полна фальшивого величия, – разностилие бьёт по чувствам читателя.

В стихотворении «Заснеженный пейзаж» лучше ограничиться первой строфой. Там есть логическое завершение: «А на переднем плане старой сказки – Снегурочка, везущая салазки». Я намеренно употребила словосочетание «старой сказки» вместо избитой «зимней сказки». Тогда на первый план выходит свежесть восприятия – на фоне «старой» сказки – живая девочка в образе Снегурочки. Такие вещи поэт должен чувствовать фибрами души, тогда не будет одинаковостей, досадных повторов, которые у всех на слуху.

Поэт только тогда поэт, когда он – не как все, не похож ни на кого. Рифмовать, держать размер строки сейчас могут все желающие, так как образованны и литературно, и музыкально... В «заснеженных тонах» – неграмотно. Лучше перефразировать: «На снежный пух расщедрилась зима: В оттенках белого на заднем плане Виднеются деревья и дома...».

Самое неудачное стихотворение – «Мой отец». Почему отец подобен «белому «собрату»? Не очень-то лестное для отца сравнение с медведем, даже арктическим, тем более, что речь идёт о «морже». Собрат ему – настоящий морж, если уж проводить аналогии. В этих стихах много и логических, и стилистических ошибок. «Изобразя отраду» – неверно и непозитично.

Почему-то из воды отец выходит «новоиспечён», словно из печи. Самое же нелепое – в конце: «Меняет плавки с жара, с пыла». Плавки, как известно, с попы, и обозвать это место «жаром-пылом» крайне рискованно.... Засмеют! Но то, что дальше – просто шедевр двусмыслия:

«Увидевших – бросало в дрожь»... Что такое было под плавками, если увидевших в дрожь бросает?! Напрочь всё отморозил? Или?... Вот где фантазия-то может разгуляться не в поэтическую сторону... И почему плавки меняются прилюдно, да ещё при видеосъёмке? Что такое «вытворял морж»?

Вообще, автору свойственно некоторое недомыслие, позволяющее толковать стихи фривольно. Например: «От энергии прилива Я бодр...». Возможно, автор и не подозревает, что сказал двусмыслицу. Но таких, наивных до изумления, строчек довольно много.

Виктория Никитаева Дело о рождественских кроликах

При чтении Виктории Никитаевой я испытывала желание править и править текст. То есть, взгляд у меня чисто редакторский... Именно поэтому тексты (не все!) показались мне черновыми. На обсуждение представлен довольно сырой материал, над которым ещё предстоит потрудиться. С этой точки зрения обсуждение может оказаться очень полезным для автора.

Чтобы не быть голословной, приведу примеры. Вот самое начало повествования «Дело о рождественских кроликах»: «Кролики бывают разные. меховые игрушечные, под острым соусом чили, рождественские...». Простое перечисление через запятую делает текст инфантильным. Можно предложить другой вариант, тоже не окончательный: «Кролики бывают разные. Плюшевые или меховые – игрушечные. Настоящие, приготовленные под острым соусом чили. И даже рождественские, о которых и пойдёт речь»...

Жанр сказки не оправдывает неточностей в тексте. Цитирую: «Никого уже не удивишь родством с Санта-Клаусом. Люди привыкли, но до сих пор эта нелепая связь со стариком – практически единственный повод для рождественских шуток...». Если люди «привыкли» и «никого уже не удивишь...», то почему, всё-таки, обстоятельство родства с Санта-Клаусом – постоянный повод для шуток? Почему кровное родство названо «нелепой связью»? Вообще-то герои – единокровные братья, раз у них общая мать...

Забавно, конечно, что главный герой оказывается братом Санта-Клауса («старика»), но тогда он и сам должен быть стариком. Возникает

пикантность от того, что он женится на молоденькой женщине... Но, вряд ли она в этом случае была бы такой «сговорчивой».

В Канаде накануне Рождества не теплее, чем в России, да есть в тексте и прямое указание на снег и мороз, а кролик почему-то просовывает ухо «в приоткрытое окно спальни»...

Есть и хронологическая путаница: Анабелла была в гостях у Джека Клауса, на следующее утро обнаружилась пропажа кроликов. Этим же вечером хозяин отправляется на свидание с Анабеллой, и тут почему-то говорится, что «накануне» она позвонила, узнав о пропаже кроликов. Накануне-то она сама гостила на ферме, и кролики ещё были на месте.

Трогательно, что Джек и Бэль «наконец перешли на «ты», сидя на скамейке кленового сквера»... В спальне до этого они, очевидно, говорили друг другу «вы».

Кажется странным, что «упряжка северных оленей» стояла у Джека в сарае, «который не открывается уже много лет»... Как же они там выжили? Законы сказки должны быть одинаковы для всех героев: если кролики нуждаются в корме, то и олени - тоже.

Поражает, что Санта на праздничный ужин предлагает приготовить «свинину в томатном соусе»... и при этом «в нездоровом ознобе затрясся последний поросёнок в доме Санта Клауса». Добрый старичок, ничего не скажешь... Хорошо, что гостя «по пути заехала в супермаркет и купила полуфабрикаты в заморозке». «Что ни говори, а в Рождество случаются чудеса», хотя бы для последнего поросёнка, всех прочих Санта уже съел, выходит.

В целом текст – по стилю – похож на переводную английскую литературу, например, Диккенса, но с добавлением современных деталей. Современность заключается в лоскутке «красной велюровой ткани», в «высоких сапогах и модной искусственной шубке» на героине и в упоминании «супермаркета» и «полу-фабрикатов в заморозке». В целом – немного. Нужны ли чужеродные эти предметы в сказочном тексте? Без них сказка бы приобрела большую поэтичность. С ними, наоборот, некоторую циничность. Возникает сопоставление со многими киносюжетами на тему Санта-Клауса.

В утешение автору скажу, что в тексте есть безусловно талантливые куски. Хотя и с английским юмором, но хорошо написанные по-русски: «...Анабелла ещё раз утвердилась в мысли, что у мужчин намного более грубая организация, чем у женщин. Бэль и сама с трудом понимала, почему же тогда этот грубый представитель так привлекает её. Наверное,

потому, что скоро станет её мужем. Это был повод, чтобы закрыть глаза на большинство изъянов. Ведь все недостатки избранника традиционно выплывают после свадьбы. Анабелла была женщиной умной и не видела ни одного повода ворчать на Джека раньше времени.

Если «Дело о рождественских кроликах» – сказка, то «Как избавиться от принцессы» по жанру очень напоминает фельетон, некий фарс с социально-политической подоплёкой. Это наиболее самостоятельное произведение из всех, хотя и отталкивается (с большой долей язвительности) от средневековых сказаний. Достоинством этого произведения я считаю пародийную форму, недостатком – перегруженность деталями. Если поработать над текстом, сделав его более лаконичным, он заблестит.

Наименее удачным я считаю рассказ «Яблоневые сны». Это только набросок рассказа. Перенасыщенность мистикой явно портит его. Можно бы только намекнуть на чудесные свойства яблони, но чувство меры изменяет автору, и яблоня получилась сказочным монстром. В какой-то момент действие резко уходит в сторону реальной жизни, оставляя ощущение незаконченности... Словно повествование оборвано где-то посередине.

Самый доработанный рассказ – «Возвращение домой». Он лаконичен по языку, точен в характеристиках героев. В нём есть хитроватая мудрость Востока, того же Ходжи Насреддина, но в европейских декорациях. Единственно, я не могу судить, насколько он самостоятелен (не подражателен), так как написан «по мотивам» другого автора, которого я не читала.

Сергей Охапкин После выюги приходит покой...

Книгу устюжанина Сергея Охапкина трудно рецензировать по причине неоднородности её содержания. Лучшие стихи в ней, на мой взгляд, – «Такая долгая зима. Такая злая...», «Что мне Москва? Что Петербург?» и «Как быстро тает жизнь...». А вот творение «Отбросия» – совершенно непоэтично.

К сожалению, многие стихи С. Охапкина подражательны. Таково, например, стихотворение «Я простой зареченский оболтус...», буквальный список с Есенина: «Я московский озорной гуляка...». Или подра-

жание Марине Цветаевой: «Мне нравится, когда под первый снег...» и «Мне нравится ещё, когда луна...». В оригинале – «Мне нравится, что вы больны не мной...». Стихотворение С. Охупкина «В жизни бушующей много случайного...» выглядит аналогом песни из кинофильма «Земля Санникова»: «Призрачно всё в этом мире бушующем...».

После этих трёх явных заимствований мне стала мерещиться подражательность и в прочих произведениях: в тональности ли стиха, похожего на популярную песню, в избитых ли образах или в явно чужой строчке. Например: «Душа... в кабак попросится...» у Михаила Круга и «Сердце просится в кабак...» у Сергея Охупкина.

По поводу неоригинальности образов: в первом же стихотворении «Начало» - «красавица-зима» напоминает и пушкинское «Зимы ждала, ждала природа...», и всю русскую классику с её темой зимы. Самостоятельными стихи становятся со строки: «Кусты смородины в саду нахохлились, как наши куры...» и до последней точки. Эта часть является собственным оригинальным произведением.

У С. Охупкина немало таких замечательных строк:

Небо виснет мохнатой тушей.
На подходе октябрь-листошуршень.
Туманы и днём, и ночью
По низинам хвосты волочут.
А в болотах, на кочках круглых,
Свежеспелые россыпи клюквы.

Россия-матушка – в глубинке!..
В густых лугах, где выпадают росы,
Где летним днём уснёшь, как на перине.
В болотечках, где клюквенная россыпь
На мху, как бриллианты на витрине.
В тех деревнях, где стылою порой
Трещат в печурках весело поленья,
Где тишина тугая и покой
Величественной степени творенья...

Промчалась ночь, и снова ветер хвощет
Моей с крючка оторванной калиткой.
Чудит мороз, хрустальной тонкой ниткой
Узор немыслимый рисуя на стекле...
По моему разумению, Сергей Охупкин – типичный народный ска-

зитель, который пишет, как слышит. Чаще всего он перепевает услышанное. Отсюда много подражательности, о которой он сам, возможно, и не подозревает. Его стихи – для устного сказания, когда все ударные и безударные слоги подчиняются прихоти чтеца. Читатель же часто натывается на сбой в ритме стиха.

Заметно, что для автора важнее всего – зарифмовать строчки, это его главная цель. Стих при этом бывает бесконечно растянут. То есть, пока приходят рифмы, часто самые простые, незамысловатые и даже запрещённые (морозы-берёзы), автор низает их, не заботясь ни о композиции, ни о технике стиха. Часто при этом меняется настроение и даже стиль произведения, теряется его энергетика.

Немало у автора и необдуманных строк:

Не утратил я ещё калорий,
Но растерял изнеженных подруг...

Голова моя вращается, как глобус...

Автору необходимо сотрудничество с редактором, а также собственная кропотливая работа над стихом. Вообще, в идеале, необходима литературная учёба, например, у более опытных в технике стихосложения товарищей. Помогли бы занятия в ЛитО, литературные курсы... Природные данные есть, тяга к стихосложению налицо, надо найти собственный голос.

Надежду на то, что Сергей Охапкин разовьётся в оригинального стихотворца, дают многие его удачные опыты:

«Разлитый мёд на куполах собора...»

«И платья лип задрались в буйной пляске...»

«Прелым листовьем осень пропахла...»

«...Каждую осень в жёлто-красную листосбросень за собою зовут и манят наши северные глухоманья...»

«Сердце выстонало нудный и плохой, наверно, стих...»

Иван Раменский Сильнее тлена

Книга Ивана Раменского удивила тем, что лучшие стихотворения помещены не в начале, а где-то в середине её... Надо знать, что редкий редактор или критик, заинтересованный в новых авторах, прочитывает книгу до конца, обычно мнение составляется по нескольким первым стихам. Возможно, стихи расположены в хронологическом порядке: от ранних к более поздним. Именно этим я объясняю явную разницу между началом и серединой книги. Довольно бесформенные поначалу тексты затем приобретают безупречную форму. Жаль, что у стихов не проставлены даты их создания.

Рифма, к сожалению, уступает форме. Она, рифма, незамысловатая, часто глагольная. Впрочем, автор позиционирует свои творения как тексты песен, а в музыке свои законы, текст должен петься, прежде всего...

В целом стихи довольно сдержанные по эмоциям. Есть жёсткие фразы, но они заимствованные. Автор и не пытается маскироваться: это добрый и глубоко порядочный человек. Автор, скорее, созерцатель и философ, хотя пишет в основном о чувствах. Чувства же замыкаются на самого себя, что очень понятно в его возрасте самопознания.

Стихи у Раменского метафоричны. Я выписала целый ряд понравившихся мне строк:

«Пойдём рассветы жечь?..»

«Тушим слезами Сожжённый кем-то Рим...»

«Заезженная постель, И мы, подневольные...»

«Посмотреть кривой правде в глаза...»

«А дождь барабанит по крыше судьбы, По ржавым каркасам искомого зла...»

«И снова закат — он разрежет мне сердце Со звуком больных и неправильных терций...»

«А под прочной бронёй Беззащитная плоть...»

«Будто чистой башкой в заскорузлую петлю...»

Целиком же понравились следующие стихи:

«Чувство»

«Та самая осень»

«Никогда не стану старше»

«И пусть нам мало лет...»

«Про кошку»

«Прогулка по небу»

«Ты промолчал»

В этих перечисленных стихах и рифма, и ритмика, и идея, и поэтика «дотягивают», позволяя автору называться поэтом.

Татьяна Ржанникова Сновидящие

Поэт, пробующий себя в прозе, виден сразу. Богатое воображение проявляется в фантастичности сюжетов. Яркая образность в повествовании также выдаёт натуру поэтическую.

Отсюда же – из поэтического опыта – происходит отрывистость фраз. Почти каждое предложение в рассказах Татьяны Ржанниковой (после редакторской правки – не каждое) идёт с новой строки. Манера писать отрывисто – каждую мысль, каждый поворот сюжета, каждую перемену настроения с «красной строки» – мешает читателю следить за сюжетом. Возникает эффект скачущих, мечущихся мыслей. Появляется ощущение провалов в сознании рассказчика, болезненно воздействующее на чувства читателя. Герои производят впечатление личностей неадекватных, не просто неблагополучных, а надломленных, не могущих осмыслить собственное бытие, не умеющих связно выразить и тем облегчить внутреннее напряжение. Отрывистость речи не может быть оправдана своеобразием авторского стиля, так как лишает текст цельности, гармонии – основных достоинств художественного произведения.

Есть претензии и к языку. У автора не наработан собственный, не-

подражаемый язык. Заметно стремление к «модной» тенденции писать «потоком сознания». В этом есть опасность подражания успешной актуальной литературе. Но, успешное – часто потому и успешное, что не подражаемое. Неподражаемость же нарабатывается годами труда.

Язык в рассказах очень неоднородный. Автор умышленно пишет просторечным, разговорно-бытовым, нарочито обывательским языком. Просторечие часто сменяется высокопарными фразами, сложностью построения напоминающими средневековую литературу. Много «тяжелых» оборотов. Порою текст похож на перевод с иностранного, так «не по-русски» он выстроен...

Тем не менее, в каждом из рассказов есть удивительно гармоничные «куски», в которых буквально на глазах читателя нарождается новый талантливый прозаик. Приведу только один отрывок из рассказа «Другая Сторона»: «Уже наступало, вернее, опаздывало лето. Обычное северное холодное лето. С маленькими промежутками жары в редкие дни, когда, спохватившись, вспоминало оно, для чего, собственно, и пришло... Тополиный пух, прибитый ночным дождём, силился подняться с асфальта. Эти попытки были почти безуспешны, потому как, едва поднявшись в предчувствии полёта, бело-серые хлопья оказывались растоптанными ботинками вечно спящих прохожих».

Для меня, выросшей на классической литературе, особе эстетствующей, данный отрывок является образцом точности и лаконичности языка в сочетании с точностью и живостью образов. «Картинка» получается не только совершенно наглядной, но как бы оживающей одновременно с прочтением...

Самый органичный, на мой взгляд, рассказ – «Хозяева». Здесь язык повествования наиболее точно совпадает с естественным разговорным языком героев. Живость «картинок» говорит о личной причастности автора к той, воссозданной им, среде. Ненадуманные, совершенно реальные герои, описанные любовно, сами собой находят точные слова и словно бы без участия автора живут, и радуют читателя.

Александр Сапогов

Ты хочешь быть самым собой,
Каким создал Господь,
Так должен знать один закон -
Смотри всегда вперёд.
Смотри вперёд
И не страшись ни боли, ни обид.
Лишь тот способен победить,
Не раз кто жизнью бит.
Кто не был бит,
Тот не пройдёт сквозь строй
Людской молвы,
Он дастся в руки большинству,
Чтоб быть как все, увы...
Но тот, кто, и упав, встаёт и
Продолжает путь,
Тот выдержит любой
удар и не свернёт ничуть.
Пока есть времени ресурс,
То рано на покой.
Тебя ещё ждёт впереди
Твой самый главный бой.
Там будешь биться
Ты и Ты, и больше никого -
Один за жизнь, другой за смерть,
Сам против самого.
Твой главный враг живёт
В тебе и больше всех вредит,
И, только позабыв себя,
Ты сможешь победить.
Давай же, брат, утри слезу,
Вставай и снова в бой...
Твоя Победа ждёт тебя,
И будет Бог с тобой!

Стихи Александра Сапогова я бы назвала гражданской лирикой.
Все его произведения остросоциальны и общественно значимы: как бы

диагностируют духовное состояние современного общества и его части – личности.

Гражданский пафос оправдан тем, что автор судит прежде всего самого себя, а не ближнего. Есть в стихах некоторая назидательность, но она так же, скорее, обращена к себе самому и не выглядит прямой дидактикой. Мятушаяся душа по-прежнему задаётся вопросом о смысле бытия и обращается за ответом к Богу, как к Высшему Разуму. Вот о любви к ближнему в стихах нет ни слова, поэтому они кажутся жестковатыми. Автор выступает человеком прямолинейным, с твёрдым характером, правдолюбом – правдоискателем. Бог для него – Справедливость, но не Любовь и Прощение.

Относительно техники стиха – у автора есть природное чувство ритма, поэтому с ритмики он почти не сбивается, хотя чувствуется, что в этом отношении он совсем не работает.

Похоже, что рифма тоже легко автору даётся, он не оригинален, но глагольных рифм почти нет, чему невольно удивляешься... Автор-то начинающий!..

Отчётливо просматривается стиль – уже хорошо подзабытый стиль задиристых «речовок», наполненных всё-таки собственной, авторской живой энергетикой.

Хотелось бы увидеть и другие произведения, в том числе – иной тематики, потому остаётся пожелать автору активной творческой работы.

Наивное искусство Валерия Синицына

Существует понятие – наивное искусство. В живописи оно узаконено: есть особые выставочные залы, организуются вернисажи художников-примитивистов, их произведения изучаются специалистами-искусствоведами.

В литературе совсем иные отношения. Считается, что самоучкам здесь нет места... Но, бывает же, что человек родился поэтом и, как птица, бессознательно выпевает своё слово, не заботясь о форме. Он просто не знаком с правилами стихосложения; пишет, как пишется; и временами из словесного хаоса возникают целостные вещи. Кажется, вот, чуть-чуть подправить, и миру предстанет произведение литературы...

Всё вышесказанное отношу к Валерию Синицыну. Фамилия автора –

как нельзя лучше — характеризует его творчество. Как синичка тенькает — выпевает что-то своё, отличное от всех, так и Валерий Синицын создаёт вполне зримые поэтические образы. Случайно, на созвучиях, проскользнувшая рифма только добавляет обаяния. Его поэзия сродни наивной живописи.

Иное отношение у меня к его «частушечным» четверостишиям. Пошлость и пошлость!

Наметали стог высоко.
На макушечке стою.
Ветром сарафанчик вздует —
Всех сфотографирую.

В одной книге с поэтическими опытами частушки выглядят особенно вульгарно. Замечу, что частушки, как жанр, я обожаю! К частушкам же Валерия Синицына отношусь отрицательно потому, что это нескладухи, лишённые и рифмы, и поэзии. Здорового народного юмора в них тоже нет.

Жаль, во многочисленных сборниках Валерия Синицына намешано всякого, без разбору. Но, образцы высокой поэзии в них тоже есть. В заключение приведу именно такой пример, правда, с небольшой моей редакцией:

Среди унынья
повседневной хмари
февральским утром
миг настанет,
когда ещё восхода
не дождавшись,
какой-то луч
из перламутра,
платины
и стали
сквозь серую гуашь
и акварель
на небосклоне
мелькнёт
в случайном камне,

витраже ли...
Мишенью избирает
моё сердце -
центр Вселенной.
Его прямое попадание -
вот отрада,
кривизны миров
связующая тяга.

Алла Смолина Невпопад: Рассказы о глубинке

У Аллы Смолиной я прочла всё, что есть. Это цикл рассказов о детях «Сытик, Нитик и лицей», рассказ «Охотник», рассказ «Дом, взлетевший в небо», цикл рассказов «Школа на Дальнем». Что актуально: Людмила Улицкая во время недавнего визита в Вологду сказала, что сейчас нет писателей-деревенщиков, так как исчезла сама деревня. Видимо, у нас, на Вологодчине, ещё остались «последние из могикан» — авторы, ещё пишущие о глубинке — вымирающей, спивающейся, но по-прежнему интересной своими людьми. Даже по этой одной причине Алла Смолина обязана писать, — она обладает уникальным материалом и личным жизненным опытом.

В художественном отношении вещи неоднородны. Законченным и очень выразительным мне показался рассказ «Охотник». Детский цикл явно можно продолжить, кроме того, там нет портретных характеристик главных героев и какой-то их предистории... Рассказы эти довольно оригинальные, и забавные, и очень добрые. Обязательно надо бы их доработать! Рассказ «Дом, взлетевший в небо» — потрясающий по своей идее, но он плохо выстроен. Весь какой-то отрывистый, эклектичный, неровный своими частями. Возможно, нужна помощь — совет редактора, но рассказ этот очень ценный, и потрудиться над ним стоит!..

Цикл «Школа на Дальнем» вызывает у меня больше критических замечаний. Словно писал другой человек — более замкнутый, закрытый. Нечто среднее между публицистикой и художественной прозой. Мало, даже совсем нет эмоций. Автор будто боится или стесняется высказать своё отношение к героям. Сухая констатация фактов, нет описаний, нет портретов, только схемы. Материал нужно дорабатывать, особенно рас-

сказ «Аттестация». Здесь получился только набросок, этюд, над которым предстоит серьёзная работа.

Из хорошего рассказа «Эффект Горошкова» можно бы сделать такой великолепный фарс! Не хватает какой-то изюминки в портрете героя, возможно, авторского отношения – юмора или сарказма...

Самый завершённый рассказ этого цикла – «Невпопад». Вот тут недосказанность, так свойственная манере автора, работает на идею. Учительница с несложившейся судьбой и бывший местный начальник с рухнувшей судьбой – два обломка постсоветской действительности – пытаются беседовать, но говорить им не о чем. Здесь короткие и чёткие – в двух словах – характеристики создают фон жизни – серой, шаткой, временной. Брошенный за ненадобностью людьми и властями лесной посёлок, в котором нет работы, в котором пьющие жители – тени себя прежних.... Выгорающие пустые бараки, доживающая с остатками учеников школа. Здесь и поговорить-то не с кем, да и не о чем : о засолке огурцов, о дровах на зиму...

Безысходность, невозможность что-то изменить в этой жизни совпадают с православной идеей смирения, непротivления злу, принятия неизбежного, исповедуемой автором. Поэтому рассказ получился пронзительным! Никакой трибун не донёс бы так ужаса безысходности в заброшенной российской глубинке!..

Регина Соболева В триологе с читателем

Книга двух авторов «Триолог» по содержанию гораздо выше того уровня, что заявлен обложкой. Унитазы на картинке – всего лишь провокация. Название книги оригинальное, но вот рубрики поименованы тривиально: «Поднимаясь вниз» напоминает «Вверх по лестнице, ведущей вниз» – роман американки Кауфман, а «Чистый лист» – приводит на ум штамп: «начать с чистого листа»...

Книга прочитана мною насквозь, но разбирать я буду только стихи Регины Соболевой. Во-первых, она ближе мне географически. Во-вторых, в её стихах – всё всерьёз, а у Ивана Смирнова довольно игри-вости...

Первое стихотворение Регины «Пасмурно» очень пессимистично:

«Нового нет. Всё сказано». Что это – кризис творчества? Не похоже, потому что следом – целая книга стихов. Разочарование в собственных способностях? Тоже нет, так как автору «плевать, что где-то извне...» кто-то «... городит напраслины о стихах, о городе, обо мне». Скука от того, что обо всём на свете уже сказано другими? И не хочется повторяться?..

«Но пишется, всё же, через себя...». Я уверена, что Регина очень искренна в своих стихах. Но её поэзия исключительно интеллектуальная.

Следующее творение трудно назвать стихами. Скорее, это заговор. «Я стою одна в пустой белой комнате...» – не что иное, как психологический тренинг, самовнушение. Нечто подобное мы видели в кинофильме «Самая обаятельная и привлекательная». Только у Регины аутотренинг направлен на отключение чувств, приносящих извне столько страданий.

Творческая личность всегда особенно чувствительна к внешним раздражителям... С помощью медитации достигая умозрительного одиночества, автор как бы защищает себя от воздействия внешней враждебной среды. Тем самым отказывается от чувств. Произведение «Четыре мальчика и четыре собаки...» очень противоречиво. С моей, позитивной, точки зрения, если «восемь живых существ... так дружны, так друг к другу добры», то они не одиноки. Одиночество испытывает автор, наблюдающий эту картину. Тревожный фон создаётся описанием «какой-то дыры, дымной клоаки...». Картина не благостная, но одухотворённая присутствием детей и собак, хотя автор явно хотел другого эффекта.

В стихотворении «Ты» нет ни слова о чувствах. Только догадываться можно, почему чьи-то лёгкие шаги «выбивают пол из-под ног...». Автор, безусловно, человек с обнажёнными нервами, самолюбивый и замкнутый на себя, страдающий от неумения строить отношения. Не сверхчеловек, и слава Богу!..

В стихах «Перебесится ль?» снова возникает тема творчества, в котором всё уже было... и «Рафаэль уже сейчас не нов...». Появляется иная нота: «И кисти в руки не возьмёт – задавлен страхом». Что это за страх? Рафаэль – один, его с пьедестала не скинешь. Есть подражатели – новые «рафаэли», которые «... пьют, валяются в канавах, рождаются в помойках и кустах...». Здесь переключка с классиком: «... если б знали, из какого сора растут стихи...». Очень сложная позиция автора: он

словно бы подтверждает свою непричастность к «рафаэлям», - «...им мало жизни». То есть, себя, человека пишущего, не считает поэтом? Нате вам мои стихи, глумитесь, а я поглумлюсь над вами, ищущими во мне поэзии!.. «Он вместе с нами, плача, роет длинный ров, в который, как и мы, попробует скончаться». Заявление автора о бессмысленности искусства, которое так же обречено на гибель, рано или поздно, как и смертные люди.

Творения Регины — настоящие шифровки. Игра интеллекта. «Задавлен страхом» - это страх перед концом, который оправдан в молодом возрасте. Творчество Регины — это потребность изжить страх, победить, избавиться от него: «Им мало жизни»...

«Ещё одна прогулка...» - самое поэтичное из стихов этой книги. Кажется, действительно, в Регине зреет большой поэт. Именно классической направленности, с чем она не желает соглашаться и борется сама с собой. Ей так хочется быть «продвинутой».

В стихах «Моя комната» передано ощущение бумажно-книжного хаоса, который поглотил автора, и бороться с которым нет желания — «лень», а может, и сил нет. Между тем, восточная мудрость учит: «Если желаешь лада в душе, гармонизируй окружающее тебя пространство. Наводя порядок на полке шкафа, ты приводишь в порядок свои мысли...».

«Открытые окна — с ветром за так» — замечательная фраза, символ свободы личности. «На балконе безрамочный снимок Сталина»... «Безрамочный», то есть — непочитаемый? Лень выбросить добро, оставшееся от старшего поколения? Не думаю, что человек, который «с ветром за так», был бы сторонником «твёрдой руки»!..

Разобранные мною подробно семь первых стихотворений, мне кажется, полностью отражают психологический портрет автора. Все последующие стихи только подтверждают его (портрета) правдивость или правдоподобие... Техническую сторону стихов я не буду затрагивать. Лучшее, абсолютно в классическом стиле, стихотворение «Буря» выстроено по всем правилам стихосложения.

В целом в стихах Регины Соболевой мне нравится неподражаемая образность:

«Боль дёрнет, долгая, как лист бумаги...»

«Мой сердце — вконец озверевший зверь — о дверь со всего размаху!»

«Тряпкою грязной небо прикрыто от глаз. Клетка с нервной птицей.

– Птица о прутья колотится...»

«Время – рукопись перед самой печатью...»

«Капать слезами из крана...»

«Быть бы тем камнем, в который море вобьёт океаны капель солёных...»

Мне также импонирует звукопись в её стихах, часто замещающая рифму: «Свет святых фонарей»; «Немые не мои фонари»; «Мой. Не мой. Немой, значит – мой?»; «Как не пойти по пути»; «Дабы у неба»...

Единственное стихотворение Регины, которое я не могу принять: «Открыть».

Сейчас мы откроем, и станет легче дышать.

Окно. Меня. Воду. Животы у слепых крольчат.

Сейчас мы откроем. Скальпелем, нежным и злым...

«Слепые крольчата», то есть, совершенно беспомощные, абсолютно безвинные существа... Это какая-то изуверская жестокость, к тому же бессмысленная и потому циничная. Игры в «садо-мазо» могут закончиться диагнозом. Человек со здоровой психикой не способен утопить котят, а закопать их живьём – в народе считалось преступлением. А тут – «скальпелем, нежным и злым»!.. Чего ради это кровопускание? Чтобы стало «легче дышать»? Кому – садисту?

Сказано, скорее всего, для красного словца ... Но, поэты не говорят случайно и впуская...

Михаил Сопин Агония триумфа: Поэма

Существует мнение, что поэма Михаила Сопина «Агония триумфа» является самым сложным его произведением. Завершённая в начале девяностых годов двадцатого века, она не истолкована до сих пор...

Как всякий большой поэт, Михаил Сопин и не может быть понят и осмыслен современниками. Необходимо «расстояние» во времени. Время работает на поэта, а наша задача – не замалчивать это имя. И вчитываться, вдумываться в его тексты.

Хор поэтов – фронтовиков отзвучал с началом нового века.

Современное общество всё реже вспоминает Великую Отечественную, разве что ко Дню Победы. Не так много времени прошло в масштабах истории, на самом же деле сменилось несколько поколений, и даже поменялась общественно – политическая формация. В сложившихся обстоятельствах стало возможным пересматривать Великую Победу под иным углом зрения. Разве мог кто-то сомневаться в нашей победе сразу после войны? А сейчас оскверняются памятники русским солдатам...

Именно поэт Сопин, стоящий особняком в русской советской литературе, даёт объяснение политическому поражению России, несмотря на её победу во Второй мировой войне.

В стране, воевавшей с нацистами, стали убивать по национальному признаку! Армия – победительница уничтожает собственных солдат – и в мирное время! Победившие живут хуже побеждённых... Разве это не «агония триумфа»?

Само название поэмы – «Агония триумфа» – можно истолковать, как «конец», «смерть триумфа», то есть Победы, величайшей Победы, которую одержал наш народ.

Стоит ли повторять, что судьба поэта Михаила Сопина сплывалась с судьбой страны с самого военного детства: «Отхлебал докрасна, Всё, что выпало, Всё, что пришлось...». Именно поэмой «Агония триумфа» поэт подводит итог своей трагической жизни, не отделяя её от трагической истории страны. Правда жизни, не прикрашенная и не умягчённая заради искусства, делает поэму пронзительной. Это документ очевидца, желающего донести неискажённую историю с толкованием событий и с выводами о причине событий. «Да, есть страх, Есть ответственность: Вдруг я о чём-то забуду...» Страх за свою шкуру нет: «Лишь меч времени Головы белые наши сечёт...».

Война, накрывшая неготовую к войне страну, так и не спросившую у своих вождей, почему всё-таки оказались неготовыми... Пели: «Если завтра война...» и разоружали западную границу... Накануне войны пересажали и расстреляли чуть ли не целиком военное командование... Засылали разведчиков и не доверяли их донесениям... «Стали лицом мы к войне. И кусками, стоп-кадрами Рвётся и крутится хроника, Чёрно-белая лента Моих полыхающих дней...». Поэма Сопина – именно хроника. Став солдатом в десять лет, он узнал всю правду о войне. Ту правду, что до последнего времени скрывалась от народа: в несколько дней Белоруссия и Украина, и часть России были проутюжены вражескими танками – по живым людям. Сколько наших солдат – безоружных – ока-

залось в окружении!.. «Я, пацан, на расстрелянном поле. Всё в груди. С этим жить мне До точки, до смертного дня. За победу, солдаты! Я знаю: Не выйдет без боли...»

И дальше: «Всё осмыслить хочу, Разглядеть сквозь бинты декабрей: Как героиня масс Превращается в общую робость?..». Как случилось, что сразу после Победы возникла «Беспросветная летопись – Трассы, спецлаг, спецстройки...»? «Разделила сперва, А потом предала нас идея...»; «На расправу – гуртом, как на вече...»; «За оградой державы Жрал гулаговский нас реализм...»; «Двадцать пять, пять и десять ...» – советский режим, кричавший об успехах социализма, опирался исключительно на карательную систему, на лагерный рабский труд.

«Будет так, как верховному надо. Для таких вот народ – подъяремная сволочь тупиц...»; «Обезглашен и безъязычен, Скорбь земную несу В никуда, в белый свет говорю: Как такое возможно – Полвека бесправья, обмана?»

На глазах у стареющего поэта поменялся в России политический режим. И опять обман: «Демагоги прошли в депутаты...». А народ по-прежнему только «пушечное мясо»:

Боже мой, сколько раз
Молодым человеческим мясом,
Наспех сляпав Указ,
Затыкала ты прорву,
Страна...
Значит, зря мы прошли
По окопно-эталпной трясине.
Значит, общество наше
Годами, не грея, дымит.
Значит, нет больше совести,
Чуткости к звуку:
Рос-сия!.. –
Когда сердце от боли
Сдетонирует, как динамит.
Что, земля моя, с нами?
Неужели мы неизлечимы?

Так хочется найти у Михаила Сопина, поэта-трибуна и провидца, да, найти позитив. Разве что, вот здесь:

Не к разгулу я, край мой,

Не к бунту тебя призываю,
К состраданию, к свободе,
На исповедь кличу сердца.
Нас разъяла двуликость...
Без свободы, без правды горячей
Народу нельзя.
Озвереет душа...

Напоследок Сопин говорит о своём поколении: «Мы уходим,
Последние певчие северных стай, Гениальные, в серость Роняя
предсмертные крики...»

Неужели всё-таки в «серость»? И неужели это про нас с вами?..

Признак нашей любви —
Неуёмная жажда увечий:
Лишь добив до конца,
Начинаем жалеть и щадить...

Похоже, это действительно про нас!..

Ната Сучкова И загорается звезда...

Стоят, сполна всего помыкав
Среди затоновской шпаны,
У бара «Золотая рыбка»,
Торжественные как волхвы,
Чернее угря Вася-Череп,
Белее моли Ваня-Хан,
Стоят в рождественский сочельник,
Фанфурик делят пополам.
И мимо них - куда им деться?
Не раствориться никуда -
Везут на саночках младенца,
И загорается звезда.

Сила воздействия этого небольшого стихотворения такова, что невозможно промолчать. Как объяснить истинную поэзию, нужно ли это делать?.. Лишь попробую разобраться, в чём его харизма.

Итак, картина не только не благодатная, она отталкивающая: два спившихся мужика с «фанфуриком» – с какой-то отравой... Большинство мимо пройдёт, отвернувшись. Что за дело и автору до намозоливших глаза бомжей? Да не бомжи они, хоть видом и не лучше: наши всё мужики, из «затоновской шпаны» – давно ли были бравыми парнями... «Вася-Череп» и «Ваня-Хан» – в их именах следы тюрьмы, а теперь вот черёд и «сумы». Нам проще их не замечать, но, вот же они: «Стоят... Торжественные как волхвы...» В том-то и заключается дар поэта, что он видит больше, чем хочет видеть. Самое же поразительное, что из нескольких кратких фраз получилась колоритная картина чьей-то частной жизни и нашей общественной – тоже – с ретроспективной и перспективной. А следом – шквал ассоциаций: благодатная рождественская ночь и пропадающие люди – «куда им деться?» Но, жизнь не может не продолжаться – «Везут на саночках младенца», и младенец этот живой, реально существующий, и он же – символ новорожденного Христа. «И загорается звезда» - пока жив человек, жива и надежда!

Истинная поэзия может касаться любой темы и осветить её, и сказать людям правду, не оскорбив их. Всего лишь напомнив истину, отринутую самими людьми – о божественном их происхождении.

Наталья Усанова Стихотворная книга «Внутри»

О Наташе Усановой я могу говорить только в превосходной степени. Прежде всего, она в свои двадцать лет – уже состоявшийся поэт. Мое мнение может быть субъективным, но то же самое мнение я слышала от Ольги Александровны Фокиной, а также от “продвинутых” приезжих литераторов на недавнем фестивале актуальной поэзии.

Я, конечно же, сужу, как читатель, а я именно зачитываюсь уже вторым Наташиным сборником. У нее нет «проходных» стихов. Каждое – как исповедь. Ее лирический герой на голову выше рядового человека. Он не боится знать правду о себе:

Ах, березки под небом синим...
Знаю, слышал сто раз уже,
Ты скажи, какие осины
У тебя дрожат на душе?

Но, герой ее не сверхчеловек:

Я пользуюсь званием Божьего сына.
Одно вызывает печальные вздохи:
Я сделан из мягкой, прилипчивой глины.
Всегда оставляю следы на дорогах...

Поражает, что везде, почти везде, она говорит о себе в мужском роде... Вот, например:

Один, замел свои следы.
Я наконец нашел покой.
Стою, счастливый, у воды.
Наедине с самим собой...

Что интересно, стихи в «мужской» ипостаси – более интеллектуальные, более рассудочные, более философские. Там же, где царствует ее женская природная суть, стихи становятся очень лиричными, глубокими, эмоциональными:

Тонкая да стройная,
Слабая да гибкая.
К каждому с поклонами,
К каждому с улыбками...
Помню: все хорошие,
Верю: все полезные.
Но кору нарощую
Сдергивать болезненно.
Мне легко в метелицы,
А от весен с грозами
Под корой шевелятся
Слезы – сок березовый.

Меня восхищает афористичность стихов Усановой:

«Бойся превратиться в лед и снег -
Их весной по слякотям несет»

«Если выйдешь, каждый шаг туда
Будет превращаться в шаг отсюда.
А о том, что будет впереди,
Не по силам смертному судить...»

«Он родился
В счастливой рубашке -
В смирительной»

«Он – тот, кто придумал богов,
Но люди об этом не знают»

«Плод познаний по-прежнему ядовит»

«Хозяйские законы не писаны котам...»

«Любому системному блоку
По собственной серой мышке»

«Обручальных колечек ряд
Для меня и моих свобод...»

«Воздух – стихия страха»

«Душа счастливая слепа,
А книги очи открывают»

«Бывает, я вижу, как кто-нибудь плачет.
Обнять бы, дать руку... А если прилипну?»

Мне кажется, именно афористичность языка делает стихи уникальными. Ход мыслей в них непредсказуем. И только чувства чуть-чуть зажаты сознательно. Хотя есть природная эмоциональность, даже страстность. В связи с этой страстностью я совершенно не согласна с тем, что в предисловии к книге Наташа назвала себя «Снегурочкой». Она, скорее, «тургеневская девушка» – ранимая, порядочная и надежная, глубоко чувствующая. Наташа – очень теплый человек с положительной энергетикой, какая же она «Снегурочка»...

Сергей Фаустов Параллельное и противоположное в одном явлении

Книгу критических статей Сергея Фаустова «Харизма вологодской литературы» я читала как художественную, точнее – высокохудожественную. У нее один лишь недостаток – вышла она десять лет назад, необходимо переиздание. За литературу, представленную в книге – стихи Валерия Архипова, Михаила Сопина, Натальи Сучковой, Ольги Кузнецовой, прозу Галины Щекиной – не стыдно и сегодня. Покойный Сопин, наконец, становится признанным на многих уровнях поэтом. Масштаб его личности, возможно, не для современников, поэзия Сопина и в будущем обещает много открытий. Тем значительнее заслуга Фаустова, оценившего Михаила Сопина, как литературное явление, еще при жизни поэта.

Прочие же герои «Харизмы...» находятся буквально в эпицентре современного литературного процесса. Как совпали с его собственной творческой судьбой слова автора: «Сначала про все новое говорят: «Кому это нужно, зачем это?». Потом, спустя некоторое время: «В этом

что-то есть». И спустя еще отрезок времени: «Как мы могли без этого жить?»).

Галина Щекина - наиболее яркий пример правоты С. Фаустова, как критика: «Есть графомания или нет графомании – это вопрос эгоистичности языка... Стремление писать собственным, себялюбивым языком не может быть названо графоманией по определению...». Щекина периода «Графоманки» находилась в поиске собственного языка. В последующих рассказах самоутверждение автора продолжалось. И вот на пороге новая книга прозы – «Ор». Язык в ней, безусловно, узнаваемый, «щекинский». Пользуясь фразеологией Фаустова, я выражу и свое мнение: «Автор просто описал жизнь своими словами, и кажется, что эта жизнь такой и должна быть». Значит, и литература, следуя за жизнью, «такой и должна быть». – Пусть литература будет разной и отличной друг от друга, и просто отличной... «Ор» Щекиной – как раз вещь отличная от всего, написанного ею.

В очередной раз приходится соглашаться с Фаустовым: «Ценность литературы всегда проявляется прежде всего на уровне восприятия одного человека – читателя», и я, читатель, согласна с выбором: Ната Сучкова, Ираида Метляева, Ольга Кузнецова. Сучкова десять лет спустя – почти классик, почитаемый даже циничными юнцами. Кузнецова, кроме стихов, пишет чудную, реалистичную до хлесткости прозу, только вот тянет с публикациями - это общая беда. Пишет ли Метляева, не знаю. Но в любом случае – «...сделанного ею достаточно, чтобы войти в историю развития вологодской литературы».

Потому что язык порождает поэтов, а не поэты – язык... Мысль принадлежит Иосифу Бродскому, и Фаустов развивает ее в своей «Харизме...».

Поразительно исследование судьбы и творчества Бродского в аналогии с Рубцовым! Два больших поэта, не пересекаясь, мистически совпадают по ряду подробностей, так как жили в одно время!

Или же сопоставление исторически разошедшихся, но одинаково идейных, таких разных – Маяковского и Тайгановой.

По Фаустову: «Вдохновение – категория психологическая, неуправляемая, здесь трудно обойтись без слова «душа». «Душа», «душевность», «духовность» – этих слов, к сожалению, не оказалось в моем энциклопедическом словаре, – так я переняла у Фаустова привычку к словарному толкованию...

Критик заявляет: «Метод, который я использую... основан на том, что АВТОР ВСЕГДА ПРАВ».

«Многолетнее исследование вологодской литературы обнаружило ее особое состояние – выход на авангард при всем традиционализме... выход на авангард, постмодернизм и какие-то другие, пока еще непонятные уровни...»

Размышляя над всем этим, прихожу к выводу – поэтическое чутье, резонирующая душа писателя, читателя и критика Сергея Фаустова – безошибочны.

Аксана Халвицкая Ночи в ICQ: Книга стихов

Я была совершенно права, когда говорила, что в поэтических опытах Аксана Халвицкая гораздо интереснее и ярче, чем в прозаических. В стихотворной книжке её сумбурный язык создаёт особый текст, похожий на магнитное поле. Главное в стихах Аксаны – энергетика, подобная шаровой молнии.

Огрехов в стихах много. Жаль, что молодые, Аксана в их числе, явно отвергают редакторскую работу над текстом. Есть в стихах и конъюнктура, которая ныне выглядит, как игры в «садо-мазо»: «Хочу я уничтожения...» или «Сделай мне больно...». Ей нравится рядиться под «плохую девчонку». Но всё это – болезни роста. Аксана очень сильная, даже волевая личность. У неё хватит сил сделать карьеру, в том числе литературную.

Своеобразие её стиха – это «поток сознания», в котором больше бессознательного. Бесконечный монолог, о форме которого автор совершенно не заботится, главное – выговориться. В потоке этой речи, в которой, кстати, мало сленга, но много отрывистости, иной раз возникают великолепные строфы или отдельные поэтические строчки. Бывают удивительно образные выражения, встречается уникальная рифма. Главное же – энергетика и темперамент автора, растворённые в текстах.

Стихи, которые мне понравились целиком: «Апельсиновое», «Не звонить тебе», «Их одиночество». В них есть гармония: когда и чувство, и настроение, и техника стиха складываются в произведение.

Ещё должна сказать о звукописи в стихах, с которой Аксана словно бы забавляется: «В лапах ласточкой по льду с ласковой скольжу улыбкой!..» и «Бестолково лета жду...». И это здорово!

Александр Халов Приём у «Доктора ХАСа»

Книгу автора по имени «Доктор ХАС» я купила вот почему: на последнее, предлетнее заседание литобъединения, ведомого Галиной Александровной Щекиной, явилось новое лицо, рекомендованное как собрат-писатель. Сказано было, что человек это необычный по всем статьям. Да уж!.. Отставной военный в приличных чинах, хозяин загородного имения, мастер художественного промысла, музыкант, владеющий многими инструментами и пишущий музыку, винодел и хлебопёк... В его облике есть странность: представьте себе человека, которому и пятнадцать, и сорок пять лет одновременно. Лёгкая фигура и резвость мальчишки, а лицо – человека пожившего, по жизни много потрудившегося. Как результат пережитого – книга, художественная, но и философская тоже.

Книгу приятно было взять в руки. Не в переплёте, но увесистая, на прекрасной глянцево́й бумаге, с художественными гравюрами. Предисловие – самой Ольги Александровны Фокиной! Не любопытство даже заставило приобрести книгу, а уважение к основательности её. Оказалось, что новый знакомец здесь – проездом из Грязовца в Архангельск. Всех удивили несколько саженьцев в багаже, которые бережно везлись с несколькими пересадками в Архангельск, потому что кому-то там были обещаны!..

Вот эти два качества: основательность и обязательность – главные в личности «Доктора ХАСа», Халова Александра Сергеевича. Другие его качества – жадность к жизни, любопытство к людям, логичность в мыслях и последовательность в действиях, напористость в сочетании с воспитанностью – сделали его тем, кто он есть. Свою жизнь он делает сам и, похоже, преуспевает. Что за «двигатель» вложен в этого человека? Честолюбие? Идея «сверхчеловека»? Природная энергетика? Тайные знания? Желание выделиться, не быть «как все»? Стремление на собственном опыте доказать, что жить можно и нужно так, как хочется, а не «как получится»?

Угробившая свою жизнь на метания меж «как хочется» и «как получится», при первой же возможности я напросилась в гости к «Доктору ХАСу». Небольшой компанией в одну из прохладно-солнечных июньских суббот мы покатали в Грязовец. Очень любезно встретил нас Александр Сергеевич, на новенькой своей иномарке сопроводил в имение – большущий деревянный дом, который был

раньше заброшенной сельской школой. Многолетний труд вложен в это дело: и дорога к дому (бывшая в старину трактом из Архангельска в Москву, и шёл когда-то Миша Ломоносов именно по ней!), и копанки-пруды, и сруб новой бани. Запасы дров в аккуратнейших поленищах, даже скошенная вокруг трава свидетельствуют: есть здесь хозяин и, главное, отменный организатор. Мастерская со станками по дереву, погреб самодельных вин, вместительный, явно помещичий дом с анфиладой комнат, убранных вещами собственного производства.

В нашу честь была затоплена русская печь – чем не камин?! Был выпечен домашний хлеб. Исполнено попури на фортепиано... Нам было очень, очень уютно в этом доме! Завидно ли? У меня своё понимание счастья – женское – семья, дети; вне этого круга я не буду счастлива даже в хоромах. А вот мужская часть компании затуманилась. Не всякий свободен настолько, чтобы выбирать дело по плечу, место жительства по душе...

Халов Александр Сергеевич – один в своём роде!..

О литературе в тот приезд мы почти не говорили. Книга его мне понравилась, хотя проза в ней очень разнородная. Пожалуй, есть общая идея: смысл жизни – в самой жизни. Радуйся, человек, каждому моменту, живи в гармонии с собой и природой. Любимый «конёк» автора – психология. Каждый шаг его героев подвергается анализу. Автор как бы примеряет на себя разные роли, вживается в образы своих героев, даже превращается в «мыслящее» дерево. Одновременно он – маленький ребёнок и «хитрый дед» из повести «Хлеб». Мне даже кажется, что все его герои – как грани его натуры. Герои не противоречат друг другу, а дополняют один другого, договаривая недосказанное предыдущим персонажем. Стоит выделить рассказ «Судья», самый доработанный, на мой критический взгляд.

Вообще проза хорошая, качественная. Совершенно роскошные описания природы. Живая, поминутно меняющаяся «натура» – река, луг, лес – на фоне которой и герои выглядят настоящими, реальными.

Единственно, что мешало при чтении, – слишком длинные, нарочито сложные местами предложения. Спотыкаясь на них, теряя мысль, возвращалась к началу фразы... Автору есть, что сказать, и хочется сказать так много, что герои и события как бы «выпирают» из собственного жанра рассказа или повести, требуя крупных форм.

Такое символичное название книги «Рождение» подразумевает дальнейшую жизнь в литературе... Всё-таки я задала нетактичный вопрос: почему какой-то инородный «Доктор ХАС»? Так по-русски звучит: Халов Александр Сергеевич.

Галина Щекина Портрет

Это имя знает вся литературная и околολитературная Вологда. «Хохлушка», как она себя на полном серьёзе называет, родом их Воронежа, стала коренной вологжанкой. В данном случае «коренная» – укоренившаяся, давшая корни. Её корни – трое детей, что для женщины, безусловно, главный козырь, а вот как подсчитать количество: уйму, орду людей, с которыми у Галины Александровны единая корневая система в сфере её общественной деятельности...

Традиционная жизнь вологжанки – горожанки такова (речь идёт о совсем недавнем прошлом, хотя для многих ничего не поменялось): работа – дом (семья) – дача. Большинство не выходит из этого круга годами, да и понятно: тройная ноша не даёт и головы поднять. Какой энергией должна обладать женщина, шагнувшая на ступеньку-две-три над обыденностью, не пренебрегая этой обыденностью! То есть: работа, дача, как у всех, с целью прокормления, дети – и не один, как у большинства, – трое. А сверх всего – тяга к литературе, к писательству, в чём и состоялась Г. Щекина. А ещё – прирождённый журналистский талант. Этот дар включает в себя человеческий фактор: умение притягивать к себе людей и контактировать с ними на их «языке». Главное же: умение видеть, находить одарённых людей. И, непонятное большинству, стремление помогать.

В ушедшем двадцатом веке не всё было так безнадежно плохо... В нём родились люди, искренне верившие: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!..» Не фиглярство, а сознательно выбранная позиция. Это поколение не может заявить человеку: «Ваши проблемы – только ваши проблемы!». Осмеянные «совки» – вполне приличные люди, за мизерную зарплату честно выполняющие свою работу, вырастившие порядочных детей, не бросившие больных родителей, посадившие за жизнь не одно дерево... Вот домов (особняков) они не построили, но это не их вина, а особенность их времени.

Даже на фоне лучших людей своего поколения Галина Щекина – явление. «Мягкотелой» её не назовёшь, – на шею к ней не сядешь. Но, если она разглядит в тебе искру таланта, сама посадит себе на шею, озаботится твоими проблемами и всемерно будет подталкивать к творчеству. Скольких пишущих людей поставила она на путь к литературе!..

Прямолинейная и недипломатичная, вечно ищет справедливости, коей, как известно, нет на земле... Такой вот «донкихот» в женском обличье!

Читая Щекину...

Новая повесть Галины Щекиной «Ор», по моему мнению, украсила современную вологодскую литературу. За годы литературной работы автор выработал собственный, такой узнаваемый язык. Его элементы складывались ещё в период «Графоманки». Тогда в прозе Щекиной местами проглядывало чужое влияние, в частности, Виктории Токаревой – кумира тех лет. Сюжет из реальной жизни пишущей женщины захватывает так, что изобразительные средства писателя, как бы, и не важны. Тем временем, в процессе работы над романом, автор заодно со своей героиней развивается в писателя. Периодами в тексте возникают громадные речевые куски – острова, на которых хочется жить! Поэтому роман «Графоманка» выглядит неоднородным по языку.

Последующие рассказы Щекиной увлекательны и, однозначно, талантливы, но язык их меняется от рассказа к рассказу. Он всё ещё неустойчив, словно автор нащупывает, какими средствами может заявить о себе в полный голос...

И вот, повесть «Ор», где Галина Щекина – вполне раскрывшийся мастер со своей особенной речью!

Герои повести – из того же времени, что и в «Графоманке». Здесь главный герой, самостоятельный художник, настолько состоятелен лично, что жалеет лишь об одном – слишком мало времени осталось для самовыражения... В жертву творчеству он приносит свою неповторимую любовь. Верится в реальность героя, так зримо он описан автором. Работящий, добрейший, безответный Тимоша всем должен по жизни (он сам так считает!), поэтому и тянет воз обязанностей. Его единственный «порок» – влюбчивость, а происходит она из поклонения красоте. Совестьливый человек, он «отрабатывает» свою любвеобильность.

А любит он не только красивых женщин, но и саму жизнь, и природу, которую жадно пишет со всем умением. «Спасибо, Господи, что не до смерти», – любимая поговорка жизнелюбца, принимающего свой «крест» достойно...

Автор признаётся, что Тимофей Тесков – это она сама. Что ж, логично, ибо каждый человек, независимо от пола, несёт в себе мужские и женские гены и свойства обоих полов. Тимоша – мужская часть личности Галины Щекиной. Тем не менее, герой – мужчина, истинный мужик, и сомневаться в этом не приходится. Да, он добр. Но, доброта – качество, присущее вне половой принадлежности. Главная, основная черта

Тимофея Тескова – умение и стремление брать ответственность на себя: «Кто тут у нас мужчина?»...

Ноша героя «Ора» немыслима для многих наших современников: содержать три семьи, раздавать направо-налево своё здоровье, силы, своё время!.. Ничего для себя! Лишь минуты счастья, любовь это или творчество... Но, и эти минуты искуплены часами раскаяния, муками совести. Хотя, за что винит себя Тимофей? За природное жизнелюбие? За умение видеть и понимать красоту? Разве он развратник? Растлитель малолетних? Он сравнивает себя с Гумбертом из «Лолиты» Набокова, но аналогии здесь неуместны. Набоковский герой возлюбленную делает своей пленницей. Герой Щекиной сам становится пленником, даже рабом возлюбленной.

Произведение, несомненно, можно назвать «психологической прозой». Это говорит о духовной зрелости автора. Великолепна описательная часть повести: картины природы, бытовые зарисовки, портреты героев, их характеристики. Невозможно добиться этого без красочного, образного, лаконичного языка, наработанного автором. Для меня, как читателя, язык произведения первичен. Так вот, языком повести «Ор» я упиваюсь.

Галина Щекина Зима в зелёных травах

У Галины Щекиной есть рассказ с удивительно поэтичным названием – «Зима в зелёных травах». Какие возникают тут ассоциации?.. Ранний ли снегопад, засыпавший вечнозелёный городской газон... Запоздалая снежная буря посреди зазеленевшей весны... Несочетаемое белое и зелёное, потому такое фееричное!..

А рассказ всего лишь о домашней кошке, полюбившейся детям к досаде их замученной бытом матери. Интонация рассказа настолько доверительная, что читатель сразу «покупается» на этот приём. «Кошка появилась из рук приятеля, гонимого необходимостью убивать». Почти детективное начало, когда на первый план выходит неведомый «приятель», страшный незнакомец. Хорош приятель! А он и вправду хорош, любовно описанный единственной фразой: «ушёл... ласково усмехаясь в нескоряемые пожарничьи усы». И тут начинаешь понимать, что не только интригующая завязка поддерживает читательский

интерес. И дело не в доверительном тоне рассказа, а именно язык, такой обманчиво-наивный, завораживает и заставляет им упиваться: «...выглянул комочек снега. Выполз, понюхал атмосферу и улез обратно». Это сказано тем детским бесхитростным языком, которым «истина глаголет». И далее: «Тут же загревели чашки, забулькало молоко - последний пакет распорол. Снег плавно изогнулся, лизнул блюдце и задумчиво поставил хвостик карандашом. И ушёл принимать территорию...».

Я не знаю у хорошей рассказчицы Галины Щекиной ни одного повествования с таким тонко-психологическим, горестно-надрывным и наглядно-живым языком, как в этом рассказе. Совсем не идиллический это рассказ и не для детского чтения, а очень драматичный, хотя и с добрым концом. Добрым-то добрым, но с рубцами на сердцах детей героини...

Жизнь идёт своим чередом, и «ком снега по имени Зима... сделался грациозной кошкой». Казалось бы, где здесь трагедия, в чём? «Молока... всегда не хватало... Лихорадочно шаря по пустому холодильнику, я доставала дешёвую колбасу... Зима нюхала, жеманилась и отъезжала задним ходом...» – Здесь надо понимать, на какое время приходится описанные события. Дело не в бедности или скaredности героев. Это история пустых магазинов перида «перестройки», когда простое молоко было в дефиците, а колбаса продавалась по «талонам». – «То есть, она не любила холодную еду! И не любила, когда еду бросали в блюдце задолго до её прихода. Но если она видела, что при ней приготовили, остудили, подали, как в ресторане, тут уж смягчалась. А мне было обидно! Я согласилась взять, подрядилась кормить, когда у меня самой нищета, так должна быть благодарность или нет?»

Отношение к кошке, как к ровне, как к духовному существу, а не к «божьей твари», на чём настаивал «добрый папа»... Кто здесь в большей степени женщина?.. «Она только ушком поведёт... И мне, такой задёрганной, не успевающей между работой, плитой и двойками, это было обидно вдвойне. Неужели я должна метаться, ишачить и урезать себя, только чтоб эта ленивая сонная тетеря... не знаю даже, как сказать... лежала и потягивалась?»

«Настоящая илилия началась как раз с её родами». Дело не в том, что автор не знает слова «окот». Это факт «очеловечивания» животного, которое стало невольной соперницей. А соперничество чувствуется остро! Почему существо бесполезное, приносящее в дом только грязь и блох, всеми любимо и балуемо, а другое – человеческое существо, с надрывом

и в одиночку везущее общий воз, обойдено вниманием и заботой, а, может быть, и любовью?... Возможно, причина в заниженной самооценке героини? «Видимо, я какая-то бессоображённая, неответственная мать, не могу заставить. Покричу, помахая ремнём и бреду сама с этим позорным тазиком на боку – выносить». А пониженная самооценка мешает любить себя. Не любя же самое себя, нельзя рассчитывать на любовь окружающих... «Твои вспышки – сигнал близким, что ты без сил, вот и всё. Но, близкие моих сигналов не слышали». Кого винить: равнодушных близких? Себя – так же равнодушную к своей женской сути? Или жизнь, превратившую женщину в ломовую лошадь?

«Козлом отпущения» выбирается кошка, раздражающая излишней женственностью. «Надо же, Господи, как я не люблю животных... Открыв это в себе, ужаснулась. Раньше думала, что я добрая, а жизнь мне доказала обратное». Героиня очень удачно и без ущерба для кошки от неё избавляется. А кошка на воле оказывается вполне состоятельной – плодится во множестве, самостоятельно кормится да ещё кормит мышами всех котов округи. А вот героиня? Выиграла ли она от такой развязки?..

Конечно, описание благоденствия кошки как бы снимает вину с героини. Кошке лучше у деревенских хозяев – на свободе, в зелёных травах... Но есть ещё и дети – в городской квартире, замкнутой от живой природы. Не нарушила ли героиня хрупкую связь с душами своих детей?

Психологической напряжённостью рассказ восходит от бытовизма к высокому уровню духовной литературы. В малую форму закручено столько проблем! Проблемы выходят за пределы внутри–семейных, они общечеловеческие. Все общие и личные взаимоотношения героев воссоздают живую, реальную, узнаваемую жизнь. Немногими словами автор даёт замечательно точные психологические портреты своих героев. Причём, не описательные, а состоящие, в основном, из речевых характеристик, что является знаком мастерства писателя.

Рассказ – как исповедь!

Галина Щекина Развалины: Поэма

Новый цикл стихов Г. Щекиной под общим названием «Развалины» при первом же прочтении вызвал рукоплескания. Случилось это на занятии студии «Лист». Галина Щекина, автор, известный острой социальной прозой, никогда не отказывалась от поэтических опытов. Не позиционируя себя, как поэта, в результате остаётся незамеченной в поэтических кругах. А заявить о себе – стоит.

Если в прозе своей писательница Щекина годами нарабатывала неподражаемый авторский язык, то поэтическая сторона её творчества статична в своей манере, в приверженности классическим канонам. Тем удивительнее появление новых приёмов у автора, особенно в тяжёлые моменты, когда глаза – в глаза с горем, некой личной трагедией... Вот, и в стихах «Развалины» ощущается надлом. Здесь нет истерики, нет паники, но есть констатация жизненного краха, пусть не личного, но пережитого не менее ярко.

Внешне, судя по рифме, чёткой, классически – правильной, стихи не новаторские. Задевает ритмика стихов – рваная, нервная, при внешней благопристойной сдержанности эмоций.

Печальный рот ворот зажат щеколдой,
Решёток ржавых сомкнуты ресницы...

Вроде бы, описание церковной ограды... А ведь это – портрет немолодой женщины, очутившейся на задворках жизни.

Кричала церковь окнами пустыми
И куполами в копоти и саже.
А пред нею женщин застыла
С душой спалённой, мёртвой даже.

«Развалины» – как следствие безбожной жизни. «Все умерли, и к лучшему...» Эта простая фраза – об Апокалипсисе. Какое личное крушение надо пережить, чтобы так сказать? «Все», – это и дети тоже... Почему же – «к лучшему»? Да потому, что «никто не звал её мамою». Женщина, сознательно отказавшаяся от материнства, безусловно, преступница – перед своим родом! «Поделом вору мука!» – говорится

в народе. «Поделом» – то есть, по делам... Надрывом заканчиваются стихи:

И порой одинокой, тоской нездешней
Вспомнить – бабка, дед, и отец, и мать.

Бывшие – до неё. А, после её?..

Эта маленькая поэма, вместившая чью-то реальную судьбу, по идее своей – велика. Можно ставить в упрёк автору разностилие строф, нарушение ритмики стиха и даже обнаружить отсутствие поэтичности... После поэтически многообещающего начала:

Огонь крапивный полыхал по плечи...

Резкий переход от конкретики повествования – к абстракции:

Страшитесь зла, оно сильнее холода
От тех, кто мог непростено явиться...

На этом стилевом изломе и начинается вакханалия всего... Временных категорий – настоящего, прошедшего и будущего. Речей – от изысканных фраз:

Кто ты, женщина, кто тебе равен,
И кого ты видишь сквозь пыль извёстки?
И зачем ты, женщина, родилась такая,
Как пеняла бабка – не святая, не божия?

до просторечных:

А мои, отец, непросты грехи – ой, лихо –
Мой довёл по пьяни вовсе до зла –
Пожелала смерти. Скончался тихо.
Но домой с могилы чуть поползла...

Описаний – от благостных картин:

Вокруг святых летали ангелочки,
Мария-дева кротость излучала...
до непотребных:

Где раньше пели музыку, молились,
Теперь бродяги, пьяницы и нищие,
Пображничав, разбили здесь бутылки...

Начинаешь понимать, что разностилие – не случайно. Это приём, намеренно избранный автором для усиления какофонии звуковой, остаточной звучащей в заброшенной церкви.

Приходит на ум блоковское – «Двенадцать», где ритмика поэмы нарушена врывающимися уличными голосами... Вот и в «Развалинах» Галины Щекиной внешнее – бомжеватое, безобразное – буквально вламывается в ткань стиха:

Так и живи: всё выжжено и стыло,
Под мусором житейским задыхаясь...

Безобразная жизнь – и есть жизнь без «образа», без иконы, без Бога. А, «без Бога – до порога»... Что дальше – каждый решает сам.

Часть вторая С ПРИСТРАСТИЕМ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Михаил Анчаров Новое, хорошо забытое старое

Михаила Анчарова я начала читать только сейчас, а не в юности; честно говоря, очень поздно... Работая много лет в библиотеке, безусловно, слышала это имя, но никогда не считала «своим» писателем. И вот, открыв его книгу по необходимости, по заданию, нашла для себя автора удивительно гонкого, душевного и интеллектуального одновременно. Читать Анчарова нужно с карандашом в руках, потому что он – философ и мыслитель. Вот только несколько выписанных мною цитат:

«Лирика – это информация, но прежде всего... о состоянии души человека, ищущего отклика у себе подобных. Он догадывается, что лирика есть постановка важных, иногда огромных задач без указания средств к их осуществлению... Но лирика – это особый способ мышления. Он объёмный в отличие от линейного логического. В лирике образ возбуждается от образа, и цельное представление возникает в мозгу, минуя промежуточные связи, минуя всякие «следовательно»... Вы уверены, ... что человечеству не предстоит качественный скачок в самом способе мышления?... Давно известно, что открытия приходят на стыке двух наук. Но не возникает ли у вас мысль об открытиях на стыке науки и искусства?..»

Я выписала такой большой кусок текста, чтобы показать, насколько глубоки и ценны книги Анчарова для осмысления жизни, в данном случае – творческого процесса. Это – из романа «Теория невероятности» первой трилогии Анчарова. Речь идёт о споре «физиков» и «лириков», модном у «шестидесятников».

Прошло время, и теперь уже ясно, насколько был прав Анчаров: современный человек должен быть развит разносторонне, то есть, соединять в себе «физика» и «лирика». Например, быть дельным специалистом в области техники и одновременно хорошим литератором. Гармоничная личность должна равно развивать оба полушария головного мозга: и творческое, и логическое. Будущие открытия – за людьми такого рода.

Если говорить об особенностях языка Михаила Анчарова, то мне не близок его стиль. «Теория невероятности» показалась мне очень сложно выстроенным произведением. Его манеру повествования я бы назвала «принципом матрёшки». Произведение состоит из нескольких отдельных рассказов, в каждом из которых упрятан другой рассказ-сюжет, как маленькая матрёшка в Большую, а та, в свою очередь, в самую большую...

По стилю изложения Анчаров, безусловно, авангардист. Даже для нашего времени. Но, он классик по духу. То есть, он исповедует и продолжает гуманизм писателей века девятнадцатого. Интересно, что Анчаров чужд религии, это, понятно, связано со временем его рождения и воспитания, когда Советская власть насаждала атеизм. Аполитичным же Анчарова я не считаю: юность его совпала со Второй Мировой и Великой Отечественной войной, ему пришлось воевать, поэтому он — яростный антифашист. От осуждения внутренней политики страны того времени писатель, действительно, далёк. Он обращён не к надстройке общества, а к его базису. Анчаров — певец, бард рабочей окраины. Именно в пролетариях он видит «соль земли» и опору общества. Стоит здесь привести цитату из повести «Золотой дождь» — второй части его первой трилогии:

«Сколько прошло лет, ...а у меня, как увижу женщину в ватнике или гимнастёрке, так что-то отзывается серебряным звоном, как будто кто-то рукавом задел гитару на стене. А женщины всё шли и шли. И тогда я подумал: наверное, чтобы жизнь была правильная, нужно, чтобы у каждого была такая мать, и такая сестра, и такая дочь. И жена такая...».

Михаил Анчаров, безусловно, романтик. Для него любимая, невеста, жена — святое существо, стоящее выше телесного и материального. В то же время он — интеллектуальный писатель. Его чрезвычайно занимает идея построения общества справедливого, разумного, разносторонне развитого. Во всех отношениях он — идеалист. И разнообразно талантливый человек. Писатель, сценарист, художник, поэт, Анчаров стал первым российским бардом, предвосхитившим появление и Галича, и Окуджавы, и Высоцкого. Я, не зная ещё имени Анчарова (раньше объявлялось только имя исполнителя), в юности радостно слушала по радио его песни. Думаю, у многих в памяти осталась вот эта:

Тихо капает вода:

Кап-кап.

Намокают провода:

Кап-кап.
За окном моим беда,
Завывают провода.
За окном моим беда
Кап-кап.
Капли бьются о стекло:
Кап-кап.
Всё стекло заволокло:
Кап-кап.
Тихо, тихо утекло
Счастья моего тепло.
Тихо, тихо утекло.
Кап-кап.
День проходит без следа
Кап-кап.
Ночь проходит – не беда
Кап-кап.
Между пальцами года
Просочились – вот беда.
Между пальцами года –
Кап-кап.

Дарья Донцова Нравится – не нравится

Я не скажу, что мне не нравятся книги Дарьи Донцовой. И личность её мне глубоко симпатична, и судьба писательницы, история её выздоровления от тяжёлой болезни, вызывает сочувствие.

Дело в другом!.. Я не хочу ограничивать себя чтением только Донцовой, одной Донцовой... В её книгах есть иллюзия полноты жизни, и это привлекает. Она подробно описывает мелочи жизни, милые женскому сердцу. Открывает «глазок» в недоступный рядовому читателю, поэтому любопытный мир, например, модельного бизнеса или московского бутика, или консерваторского закулисья, или писательской квартиры... Мы, читатели, охотно следуем за писательницей в иную, новую для нас среду. Каждый раз – приключения другие, но приятно щекочущие нервы. При этом читателя не покидает чувство комфорта, ощущение

собственной безопасности. Да и героиня Донцовой всегда благополучно выходит из любой ситуации. Видимо, у неё три ангела-хранителя, не спускающие с неё глаз. Спасение гарантировано!..

После прочтения энного количества книг Дарьи Донцовой меня стало раздражать именно это легковесное отношение автора к детективному жанру – тяжёлому и кровавому по существу. «Лихо закрученный» сюжет, множество побочных линий (так и ждёшь их развития!), и тут же следует очередное счастливое спасение героини, буквально Святым Духом... Поразительно, с какой лёгкостью автор вводит в действие героев второго плана, чтобы тут же забыть про них. Видимо, не разделяя принципа Чехова: если на сцене висит ружьё, оно непременно должно выстрелить...

Детективный жанр требует точности до мелочей. Детективы Дарьи Донцовой напоминают мне собственный ридикюль, набитый вещами, который я бессильна разобрать до дна и вечно теряю в нём то телефон, то ручку, то нужную визитку. Может, автору сесть бы плотно да разобраться до конца хотя бы с одной своей книгой – доработать, довести до блестящего блеска, до шедевра детективного жанра?!.. А она «печёт» и «печёт» всё новые...

«Ля-я-пи!» – как говорят братья-славяне. Ясно, что это бизнес. Приходят на ум разговоры о «литературных неграх»... Для непосвящённых, – это наёмные люди, владеющие пером, чаще студенты-журналисты, пишущие по заказу на «раскрученное» имя - бренд. Стиль дорабатывает владелец бренда – автор или издательство. В случае с обильным творчеством Донцовой у меня возникают такие сомнения, но утверждать голословно я не могу.

Что положительно – чтение, действительно, лёгкое. В отдыхе мы все нуждаемся. Такая книжка, написанная обаятельным языком, обладающая увлекательным сюжетом, просто незаменима в трудных ситуациях – в больничной палате, в самолёте, в зале ожидания, в очереди к зубному врачу... Книжки Дарьи Донцовой тем и хороши, что снимают стресс!..

Но, тяжёлая ситуация не должна длиться постоянно. Она преходяща! Так и увлечённость прозой Дарьи Донцовой медленно, но верно идёт на спад... Общество явно выздоравливает!

Борис Евсеев Лавка нищих: Русские каприччо

В рассказах Бориса Евсеева есть какая-то (лично мне неприятная) приблизительность, неточность, искажённость в деталях описываемой жизни. Слишком это бросается в глаза, чтобы пренебречь таким свойством автора. Словно писалось не для соотечественников, а для читателей с другого континента, незнакомых с нашими реалиями.

Например, рассказ с роскошным названием «Бедным войду я – выйду богатым»... Доверительность повествования от первого лица нарушается авторской путаницей во времени событий рассказа: «Посёлок был заводской, небедный, втихаря приторговывал ворованной или выписанной по смешной цене армированной плёнкой». Здесь – реальная советская действительность. Потом уже, с началом перестройки, затем с развалом СССР, такие заводские посёлки первыми почувствовали нужду. Да и украсть при новых собственниках (если завод до них доживал) не так просто, не при Советах!.. И тут же автор заводит речь про «бандюка, спешно занявшегося торговлей», то есть, про времена постсоветские. Такое вот наложение одного периода истории на другой делает пространство рассказа мутной призмой, искажающей саму идею рассказа. Маленькие неточности порождают большое недоверие. И даже недоумение: а зачем было об этом рассказывать?..

В «богатом и вполне обихоженном посёлке» появляется семейство мусорщиков «из дальней деревни». Станные, звероватые люди. При более близком знакомстве они оказываются не менее странными, но всё-таки с человеческими лицами. Созданная автором «призма» делает реальную жизнь расплывчато-туманно-абсурдной. В жизни неабсурдной не ищут лес на корню, чтобы поправить всего-то сарай. Как правило, приобретаются (любым путём) готовые пиломатериалы. И не с мусорщиком, а с лесником имеют дело, если речь идёт всё-таки о лесе, даже в качестве материала.

В жизни реальной, конечно, случается и такое: «В длинном модном городском плаще барахтался я в пруду. Алёнка смеялась». Но, чистый абсурд, если «Была середина октября...Через пол-часа... в ближнем осиннике... кое-как просушив пиджак и брюки, я возвращался назад...».

В абсурдном мире, возможно, кажется странным, что три поколения мужчин в семье зовутся Вадимами. Хотя в реальной жизни – сплошь и

рядом, а также Иванами, Александрями и даже Станиславами.

Совсем не странно, что мусорщики в собственном быту могут быть чистоплотными. Да и ремесло их, оказывается, прибыльное. Не удивительно, что семейство скопило деньжонок. Жаль, конечно, что всё накопленное досталось сыну – дурачку. Вот и всё, что можно вынести из рассказа. Если бы не «призма», порождающая чудовищ...

Подобные претензии и к рассказу «Ехал на Птичку Иван Раскоряк». Есть некое лукавство в повествовании о простачке Иване. Начиная со слов: «Денег у Вани нет совсем. Дома пять сотенных бумажек, на чёрный день»... Когда «денег нет ...совсем», их совсем нет! Я помню рассказ известной певицы, как она, совсем не имея денег, искала мелочь на улице, чтобы купить хлеба. И, ей я верю!.. Бедный (или хитроумный?) Ваня не желает тратить на автобусный билет, хоть и мелочишка у него имеется, мол, это на обратную дорогу. Но, в обратный-то путь он налегке отправится, без мешка с рыбьим кормом, который всё-таки надеется продать, иначе, зачем на рынок ехать?.. Да и на рынок ему не впервой, с того и кормится. Нет, не такой простой Ваня, как его позиционирует автор. Вроде бы, и характеристики ему даны «положительные»: и отец у него «подполковник, танкист», и в армии Ваня отслужил «на Балтике, в Калининграде», и диплом техника имеет, и женат был, да жена померла, и роман наметился с девушкой самостоятельной, она в Ване души не чает: «Нормальный мужик того стоит»...

Сказано, что отец у Ивана не маленький человек, колхозник там или работяга, а в прошлом офицер, да ещё подполковник. Чин довольно высокий, не каждому дают. Чтобы сделать карьеру, надо было жить исключительно службой. Кто в советское время мог избивать подполковника по имени Лазарь, да хоть бы и Моисей? Полковники и генералы? А вне службы, если бы офицер постоянно попадал в истории, где его «поили водкой и били опять», вряд ли он стал бы подполковником... Умер-то Ванин папа семидесяти шести лет, значит, служил в ещё прежней Армии.

Мать Ваня «почти не помнил». Кто же растил его при отце – служаке? Можно догадываться, что проблемы героя происходят из неблагополучного детства, а вовсе не от разрухи в стране. Разруха – разрухой, а Ваня сам по себе личность надломленная.

Вроде бы благородный поступок совершает Ваня, выпуская на волю птиц из рыночных клеток, а как-то не радуется читателя его «геройство». Сам-то Ваня в меховой шапке, на нём «длинная куртка с подстёжкой, ватные штаны...», – «зимний день ... клонился к вечеру». Как это он не

додумал, что выпустил птиц на холодную и голодную смерть в лесу по соседству с «Птичкой»? И попугайчиков за компанию «осчастливил» волей: «выпустил с десятка волнистых». Так что, Ваня не бунтарём – освободителем выглядит, а, скорее – недоумком. Поведение его нелогично. Является на рынок с клеткой в руках – продать, заработать на птичьей неволе, а в душе лелеет мечту: «...повыпускать всех рыночных птиц к ядрене фене!». В тот страшный лес, где «трупички птиц, лапы, мордочки и хвосты мёртвых зверьков...».

Или же автор намеренно таким странным Ваню изобразил? Вот и намёк: «Ехал же Ваня на Птичку для смутного дела. Грызло оно его и терзало: хоть таблетки пей! Но таблетки Ваня пить не стал...». Авторская подсказка, что Ваня психически нездоров?

Прочие герои рассказа больны нравственно. Разве что Пашка «тянет» на положительную героиню. Но, она – такая неблагополучная!..

За МКАД жизни нет?.. Увы нам, увы... или автору?..

Мне могут возразить, мол, не заметила в рассказе притчу, недаром же в эпиграф вынесены евангельские цитаты... Могут сказать, что Иван – это обобщённый образ русского народа, пропадающего за пределами богатеющей Москвы... Что идея рассказа глубже, чем проблемы «Птички»...

Тем необходимей правда жизни в конкретном литературном произведении! Да и народ наш гораздо сложнее, чем в образе странноватого Ивана.

При обидной неточности, непродуманности деталей, в результате чего повествование лишается «невинности» и возбуждает читательский скепсис, рассказы Бориса Евсеева отличаются изумительно ярким языком. Язык современного горожанина, во многом жаргонный, но блестяще-лаконичный, рисующий образы буквально незабываемые. Это собственный авторский язык. Пример можно привести с любой страницы: «Ох, и бедлам на Новой Птичке! Люди-звери и звери-ангелы. Простак, мудрец, хитрован. И, главное, чуть не намертво приросли все друг к другу! Но... Разные звери – разные люди! И характер у человека – как у его зверя. А иногда – звери и птицы на людей, как две капли воды, походить начинают. Грызунов продают – жадные, запасливые. Птиц – растеряшки мечтательные. Гадов и крокодилов – люди древние, люди далеко и крупно видящие. Домашней птицей – жестокие торгуют... Ещё – голубятники. Те все почти урки... Но сцепляет всех тех человек, отбирает по норову и по людской масти – расположение рыночных рядов.»

Наиболее удачны у Б. Евсеева рассказы фантазийные, где автора

нельзя уличить в «неправде жизни». Лучшее же произведение в сборнике «Лавка нищих» – «Кутум». Мастерство рассказчика достигает здесь очень высокой творческой планки. Его речь становится изысканной: «А ведь именно это Главное, вложенное в кутума, в спинной его мозг, наполняло и его, и другую мелкую и крупную рыбу, жгучим весельем и ледяной, резко вспыхивающей электрической страстью, страстью к самой жизни, к плоти бытия, к морю. Именно это Главное заставляло, играя, хватать крюки, заходить в сети и потом биться в них и, выпадая в иную реальность, сожалеть о своей, уже невозвратимой...».

Я бы сказала, что рассказ этот – сама пульсирующая жизнь, а не статичное произведение. Bravo автору!

Олег Ждан Ментальность

Почему так несчастны наши старики? Именно на нашем, постсоветском пространстве. Да, горбачовская перестройка разочаровала. Развал Союза переломал кости. Чеченская война ударила по мозгам. Власти в несколько приёмов отняли все сбережения.

Но, есть ещё одно «но»...

Помнится, чем более открывался для нас Запад, тем больше мы удивлялись... Как это у них так заведено, что взрослые дети не живут с родителями?... Закончил школу и – марш из дому! Да что за родители такие? Вот ведь звери – капиталисты! И как не скучно вдвоём в таком особняке, в благоустроенной-то квартире?! И внуков не нянчат. Путешествуют, видите ли, на танцы ходят, газончики свои обихаживают вместо картошки... А дети сами на учёбу зарабатывают. В армию идут. В няньки и официантки нанимаются – какой позор! У нас этим только старые старухи занимааются, отживший материал.

Эти вот старухи, вырастившие детей и внуков, отработавшие на производстве немислимое количество лет, так и продолжают мыть полы, свои и чужие. Неуважение к старости – это наша ментальность, постсоветская. Ещё точнее – чисто славянская.

Рассказ писателя из Беларуси Олега Ждана «Тихо вокруг», напечатанный в четвёртом номере (за 2009 год) журнала «Лад вологодский», совсем не о том, казалось бы. Он – о сыновней верности. Правда, надо иметь ввиду, что сын вырос на Кавказе, в иной ментальности. Герой, семидесятилетний старик, вывозит из фронтового Грозного мать, которой

уже за девяносто. До сих пор, чтобы не быть обузой семье, он работает на заводе, заработанное исправно отдаёт невестке. В его собственной, полученной когда-то при Советах, квартирке нет места даже ему, куда ещё и старуху?.. И он снимает для матери «однушку» где-то на самой окраине, на девятом этаже, и берёт ещё подработку – ночным сторожем.

Сердце рвёт этот рассказ!

Но, ведь ещё и мысли возникают. Если старик может найти работу, то молодые-то и подавно!.. Да, непрестижную и малооплачиваемую, но что-то же надо делать! Почему считается нормальным, что в крохотную квартирку родителей взрослый сын приводит невесту, плодит семью. Давно у старика умерла жена, многие годы обслуживавшая пожилых уже детей и взрослых внуков. И теперь вот он, хозяин и не нахлебник, оказался лишним, стал помехой. Младшая поросль так же будет здесь плодиться, вытесняя уже своих стариков?..

Да, они жили, ожидая расширения площади – от государства. Но, времена-то поменялись! И, если старик в состоянии отыскать для матери квартиру, работать, чтобы её оплачивать, так почему молодые сидят у телевизоора? Так и ждешь, чтобы затопал он ногами, освободил от обнаглевшей родни свою «двушку» и поселился в ней с матерью, покоя её и свою старость.

Но... Ментальность!

Художественные средства автору этого совсем несентиментального рассказа, казалось бы, и не нужны, так как воссоздан мир реальный, обыденно-равнодушный к ближнему... Да в том и дело, что рассказано о драме маленького человека языком гармоничным, работающим на идею произведения, не нарушая его художественности. Это литература, продолжающая лучшие традиции русской классики.

Содержание:

От автора.....	3
----------------	---

Часть первая:

ПРИСТРАСТИЕ К ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ксения Аксёнова. Предожущение.....	4
Валерий Архипов. Спич поэту.....	5
Астафьева, дочь Астафьева (об Анастасии Астафьевой).....	6
Елена Волкова. О «Больших Бабах» и не только.....	10
Галина Гордиенко. Польша и Аполлинария.....	11
Борис Гуляев. Многогранность.....	13
Людмила Данилова. Сказка ли?.....	17
Александр Дубинин. Будет истина на свете?.....	18
Михаил Жаравин. Сказы: Послесловие.....	19
Елена Колядина. Новый Рабле?.....	21
Наталья Лебединова. Волны и струны.....	23
Андрей Медведев. Поэзия.....	24
Виктория Никитаева. Дело о рождественских кроликах.....	26
Сергей Охалкин. После вьюги приходит покой.....	28
Иван Раменский. Сильнее тлена.....	31
Татьяна Ржанникова. Сновидящие.....	32
Александр Сапогов. Стихи.....	34
Валерий Сеницын. Наивное искусство Валерия Сеницына.....	35

Алла Смолина. Невпопад: Рассказы о глубинке.....	37
Регина Соболева. В триологе с читателем.....	38
Михаил Сопин. Агония триумфа: Поэма.....	41
Ната Сучкова. И загорается звезда.....	45
Наталья Усанова. Стихотворная книга «Внутри».....	46
Сергей Фаустов. Параллельное и противоположное.....	48
Аксана Халвицкая. Ночи в ICQ: Книга стихов.....	50
Александр Халов. Приём у «Доктора ХАСа».....	51
Галина Щекина. Портрет.....	53
Читая Щекину.....	54
Г. Щекина. Зима в зелёных травах.....	55
Г. Щекина. Развалины: Поэма.....	58

Часть вторая:

С ПРИСТРАСТИЕМ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Михаил Анчаров. Новое, хорошо забытое старое.....	61
Дарья Донцова. Нравится - не нравится.....	63
Борис Евсеев. Лавка нищих: Русские капрично.....	65
Олег Ждан. Ментальность.....	68

Писарчик Нина Викторовна

**Я - ЧИТАТЕЛЬ
или
ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ**

**редакция авторская
оформление обложки: Регина Соболева**

Сдано в набор 03.02.2010. Подписано в печать 03.03.2010.

Формат 60х90\16 Бумага офсетная. Печать ризограф.

Объем 4,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано ИП Киселев А. В.

г. Вологда, ул. Козленская, 35 тел. (8172) 72-88-32

Нина Писарчик

Писарчик Нина Викторовна родилась в 1952 году в городе Вытегре Вологодской области. По образованию библиотечкарь-библиограф. Работала библиотечкарем, потом редактором в Вытегорской районной библиотеке, затем библиографом в библиотеке Вологодского технического университета. Пробовала себя, как автор, в поэзии, в публицистике. Печаталась в вологодских изданиях: альманахи «Свеча», «Автограф», «У», журнал «Пятницкий бульвар». Первая публикация была в белорусском еженедельнике «Витебский проспект», последняя – по времени – в альманахе «Аргамак. Татарстан».

«Я - читатель», книга рецензий на вологодских и российских авторов, явилась из потребности осмысления богатого литературного материала, рождающегося на моих глазах.

ISBN 978-5-902579-04-5

9 785902 579045

Чтение и чтение